

Богданов Станислав
Богданов Серафим

В СТРЕЛЯЮЩЕЙ ГЛУШИ

Подготовка к вторжению

Станислав Богданов

**В стреляющей глуши.
Подготовка к вторжению**

«Издательские решения»

Богданов С.

В стреляющей глуши. Подготовка к вторжению / С. Богданов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901801-4

Молодой Цвигун, будучи сотрудником СМЕРШ, внедряется под видом перебежчика в окружение врага. Он выкладывает легенду, суть которой: его прислала засекреченная организация «Четвертый Интернационал», которую организовали сторонники Троцкого. Враги сомневаются, однако проявляют интерес к его информации. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-901801-4

© Богданов С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	18
Глава первая. Рывок отчаяния	18
Глава вторая. Страда богов	46
Глава третья. Самая короткая жизнь	52
Конец ознакомительного фрагмента.	69

В стреляющей глуши Подготовка к вторжению

**Станислав Богданов
Серафим Богданов**

© Станислав Богданов, 2017

© Серафим Богданов, 2017

ISBN 978-5-4490-1801-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАЗВАНИЕ: Вторжение деструктов. В стреляющей глуши.

«Ворошилов: Вот и Мерецков. Этот пролетарий, чёрт возьми.

Мерецков: Это ложь. Тем более что я никогда с

Уборевичем не работал и в Сочи не виделся.

Ворошилов: Большая близость с ним у этих людей. Итак, в восемь часов у меня...»

Из стенограммы выступления И. В. Сталина на Расширенном заседании Военного Совета при наркомате Обороны 2 июня 1937 г.

«...Гитлер смог ответить только одно: если бы я знал, что та численность русских танков, которую вы приводите в своей книге, верна – я бы никогда не начал эту войну».

Хайнц Гудериан. «Воспоминания немецкого генерала».

Предисловие

...Науманн заметно подмигнул девушке:

– Вы наверняка думаете, что знаете мои мысли, фройлен Аня? Угадал?.. Наверняка да. Увы, фройлен! Ответ покоится здесь, – его сильный палец едва коснулся лба. – Вы, я успел в этом убедиться, сметливая и умная девушка. Я долго размышлял, в каком качестве мне вас использовать. Не в качестве же камерной подсадки или постельного агента: Как одну вашу весьма экстравагантную знакомую, – он явно намекал на Веру. – Ход моих мыслей замер на одной легенде. Как это по-русски?

Он осторожно улыбался, но ни один мускул не дрожал на его лице.

– О чём это вы? – не моргнув глазом, глядя ему прямо в глаза, спросила девушка.

– Да, действительно. О чём это я? – наморщил узкий лоб Науманн. – Впрочем, не отдохнуть ли нам за едой? – его рука скользнула к кнопке электрического звонка, вмонтированного в панель стола.

Кот Васька слушает да ест, подумалось Ане. Науманну она ответила лишь непринуждённой улыбкой. Он в ответ кивнул ей своей высокой бриллиантовой головой с тщательно уложенным пробором. Она потерела завиток волос у левого виска. Тайный женский приём, задействованный в разведке – для остановки мысли гипнотически-завораживающим жестом. Для фиксации сознания собеседника или явного врага, что в любом случае мыслит по заданному стандарту. Это рано или поздно ведёт к психической атаке методом подчинения. Пусть и временному, но весьма действенному. В разведке и контрразведке это часто сопутствует «моменту истины». В такие моменты, которые выпадают на доли секунды, противник нередко совершает роковые ошибки: забывает или отдаёт самопроизвольно важные документы, разглашает то, о чём обязан молчать, предаёт и соглашается на сотрудничество, чтобы избавиться от навязчивого чувства страха и неопределённости.

Когда внесли поднос с едой, которая представляла собой два яйца всмятку, пачку маргарина в пластиковой коробочке, похожей на пенал, и дольки мармелада в полиэтиленовом пакете; две чашки кофе, оберфюрер (это звание

ввели в 1942 году) замер вполоборота. Одетый на этот раз в полную форму (чёрный френч в лацканах которого горели серебром кленовые листья и кубики, красная нарукавная перевязь с чёрной буддийской свастикой, означающей солнцевращение, с серебристой надписью «секретная государственная полиция» на левой манжетной нашивке) он производил впечатление могильщика на собственных похоронах или именинах. Аня отметила про себя, какие у него были широкие, напомаженные бриллиантом, виски. Голубые глаза, спрятанные на этот раз под светлыми, почти соломенными бровями, не выдавали никаких скрытых намерений. Да, маскировался этот гитлеровский «хер» отменно. Ни одного замыкающего жеста руками. Ни разу он не сцепил между собой пальцы.

Это означало, что шеф группы тайной полевой полиции GFP играл на грани разоблачения или провала, если бы они поменялись местами. Судя по всему, такая игра стоила свеч.

– Угащайтесь, милая фройлен, – он сделал радушное движение, приглашая её к столу, где тут же стопкой лежали не перевёрнутые папки с обложками «под мрамор» с входящими и исходящими номерами, грифами «gehime» и молниями SS. – Я проголодался как лев. Проклятая полицейская работа! Ну, ничего. Война близится к концу. Скоро мы все отдохнём, хотя конец ещё не ясен. Несчастливая 6-я армия в Сталинграде, о, да: О! – он бросил быстрый взгляд на Аню и тут же включил селектор внутренней связи: – Менцель, дружище! Ты забыл принести хлебцы для своего шефа. И для его очаровательной гостыи.

Тот что-то проквашал в мембраны. Вскоре, потрясая аксельбантами, вошёл и установил на стол тарелку с жареными в масле, тонко нарезанными кусочками. При этом из левого рукава его мундира выпала записка. Науманн сделал вид, что последнего не заметил. Рассчитано это было на Аню. Если девушка и впрямь играет двойную игру, то запаникует и выдаст себя словом или делом. У Ани и впрямь внутри всё сжалось. Внутренности сделались, словно упругий резиновый мячик. Но в следующий момент усилием воли она стала понемногу расслабляться.

– Вот что, милочка, – Науманн намазывал тонкий лепесток мармелада на круглый золотистый хлебец: – Я вижу, что вы ощущаете себя как дома. Отменно! Именно этого я и добивался. Не правда ли, фройлен?

– О, да, герр Науманн! – мгновенно подыграла ему Аня. Она тут же пригубила чашку с ароматным кофе. – Вы прямо волшебник. Так очаровать меня за короткий срок. Не скрою, от былых подозрений, что вы собираетесь меня использовать, а затем оставить на съедение, ну... моим друзьям, не осталось и следа. Я вам очень благодарна, ну, очень-очень:

– Ну, не стоит переигрывать, фройлен комсомол! Не стоит, право. Я не зверь, как и все мы: Я хотел сказать, большинство из нас. Не верите мне, милое создание? – Науманн пристально посмотрел ей в глаза: – Всё дело во времени. Я вовсе не прошу, чтобы мои слова воспринимались... как есть?... как руководство к действию. О, нет! Это было бы по меньшей мере непрофессионально, – его светлые брови порывисто взметнулись требуя «момента истины». – Но! Вот, примите это в качестве аванса, – он отодвинул оброненную Менцелем записку к ней поближе.

– Зачем мне это? – Аня невинно округлила глаза. Но, завидя угрожающую решимость в глазах Науманна, совершила шаг к массивному письменному столу с телефонами, возле которого он возвышался чёрным монументом.

В записке, что представляла собой клочок, неровно вырванный из ученической тетради по математике, кто-то тупым химическим карандашом криво нацарапал: «Радуга всех выдаёт. Держусь из последних сил. Явка на Чеховой провалена. Сообщите в отряд, что вся моя пятёрка раскрыта. Перед арестом возле дома крутился пацан в будённовке. Игорёк».

Девушку мелко затрясло, несмотря на специальные самовнушения и частые остановки дыхания. Всё было настолько явственно и дико, что дошло до сознания почти сразу же. Будто по спине ударили железным прутот. Будто у своего лица она ощутила звериный оскал без намордника с хлопьями вонючей пены. Страшнее всего бывают именно такие минуты: сознание не готово сразу же объяснить характер опасности. А последняя не заставляет себя долго ждать.

Мутной серой пеленой заволакивает окружающей мир, поднимается до горла – выше, выше...

– Итак, откровенность за откровенность, – Науманн был само очарование: – Конечно, стойкие бойцы импонируют нам, солдатам фюрера и Германии. Мы восхищаемся совершенно открыто героизмом ваших солдат, разведчиков и диверсантов. Даже партизан, которые есть просто бандиты. Это тоже патриоты России. Но, право же, этот несчастный молодой человек, – крупная белая рука в манжете, что выглядывала из чёрного мундира, указала на тетрадный клочок, – вызывает только сочувствие. Он надеялся, что знает наши методы. Оказывается, нет...

Загадочная улыбка тронула губы Науманна.

– Герр оберфюрер, я, конечно, польщена таким доверием, – Аня трагически сблизил руки перед лицом, чтобы изобразить жест отчаяния, – но я право же... Мне также жаль этого юношу. Он немного фанатик, поэтому. А к жизни надо подходить практично. Как к России без Сталина, – понизила она голос, хотя могла бы этого не делать. – В конце концов, у нас много схожего. У национал-социализма, у коммунизма...

На мгновение в кабинете стало тихо. Лишь гудел во дворе силовой генератор, который подавал электричество в здание.

– Не знаю, фройлен, – уклончиво продолжил немец. – Однако чем я вам могу помочь, Аня? Вы хотите...

Он сделал паузу, от которой зазвенело в ушах.

– Вы хотите, чтобы я дальше: – Аня сделал попытку вырваться из звенящей пустоты.

– Совсем нет! – он предостерегающе выставил обе руки. – Использовать вас в качестве подсадки в камеру? Зачем? Вряд ли такая умная и сильная девушка способна изменить ход мыслей фанатика. Не скрою, после того, как наши специалисты постарались, мы попробовали этот шанс. Но тут же разочаровались в нём. Фанатики не чувствуют ни свою, ни чужую боль. Им вообще не доступно состояние боли. Этим они и опасны. У вас их уничтожали как бешеных собак. Меткое определение! Меня больше беспокоит другой вопрос. Кто есть этот Радуг? Вы знаете?

Он неожиданно развернулся к ней всем корпусом (обычно имел обыкновение стоять в полуобороте) и как будто заглянул ей в душу. «Неужели у „Бороды“ не может быть предателей? – спросила она себя. – Да и он сам не может быть предателем». Хотя, раз такая мысль единожды посетила ее, и она придала ей такое значение, отвергать полностью такой вариант...

– Радуга... Не Радуг, а Радуга, – мягко поправила она его, вздрогнув плечами.

– Очевидно, это псевдоним кого-то из подполья, но я: не слышала ни разу, чтобы при мне...

Она едва не сказала «но я не слышала о ней ни разу», что неизбежно навлекло бы подозрения. Науманн и его служба могли предполагать, что это женщина, хотя нередко мужчины-агенты и подпольщики носили женские псевдонимы. Фильтровать её окружение они

начали бы давно, если бы подозревали, но она этого не почувствовала. Тогда возможно о «Радуге» им стало известно только сейчас, что несколько радует. Уберечь бы Аграфену, уберечь... О том, что та могла быть предателем, тем более источником врага, Аня даже не допускала в чувствах. Она была уверена, что приём с запиской был только приём – тонко рассчитанный психологический эффект, после которого у слабых пошаливают нервы, а руки начинают делать самопроизвольные движения.

– Я думаю вот над чем, – как бы подтверждая ход мыслей, продолжил Науманн. – Если он пишет, что Радуга выдаёт всех, то... Значит этот молодой большевик знает почти всю организацию. Радуга не может знать членов его «пятёрки», если сама туда не входит. Если это так, то: Логический вывод – Радуга

обитает на улице Чехова. Конечно, она может жить и в другом районе... хм, гм... Шмоленгс. Но это вряд ли. Подпольщики стремятся поделить город на сектора. Так легче им управлять, а все живущие в секторах образуют группы-пятёрки. Как видите, я неплохо разбираюсь...

– Почему вы уверены, что это женщина?

– Как? Ну... Признаться, я так решил по наитию. Хотя: Мне показалось, что вы могли совершенно случайно пересекаться с ней, – хитро сощурил голубой глаз шеф ГФП.

– Может быть, – неожиданно легко согласилась девушка, незаметно дрожа коленками.

– Вот как! Понимаю, – снова расплылся в улыбке Науманн. – Извините, что не предложил вам сразу сесть. Эта моя занятость: – он тут же водрузил рядом с ней венский стул. – Садитесь немедленно! Ещё раз приношу вам свои извинения. Так что же вы не угощаетесь? Мармелад не эрзац, из рейнских яблок. Можете мне верить, – он надкусил свой бутерброд и проглотил, не жуя, маленький кусочек. – Хотите мятный леденец? Освежает всё во рту.

Развернув прозрачную обёртку, он попытался вручить Ане зеленоватую ароматную подушечку.

– Спасибо, я, наверное, тоже: – Аня захватила рукой ножичек с круглым безопасным лезвием. Нанесла удар по яйцу в подстаканнике – крак!

Науманн с довольным видом следил за ней. Про себя он отметил суетливость в поведении девушки. Тем не менее, изобразил на лице моложавую улыбку. Так он ещё больше решил подчинить её своим обаянием.

– Похвально! – похвалил её Науманн, отмечая, что русская разведчица вызвала у него симпатию. – Представим, что источник некой службы германской империи сидит в здешнем подполье. Действует у меня под носом. Так... – он снова укусил и старательно прожевал. – Я пытаюсь его вычислить. Мои аналитики представили мне отчёт на основании оперативных сводок и материалов агентуры. Но... – он отложил дважды надкушенный бутерброд и изящно вытер пальцы салфеткой с виньетками по углам, в виде свастик. – Но! Моя секретная агентура докладывает мне, что кто-то из своих заинтересован в большевистском подполье. Из той службы, что внедрила своего агента. И я задаю себе вопрос: не тот ли это агент – под псевдонимом «Радуга»? Как вы думаете, фройлен комсомол?

– Если «Радуга» всех выдаёт, то она себя подставляет, – вымолвила Аня, чувствуя, как деланой ком заполняет внутренности. – Зачем она так поступает? Тем более, если она единственная, кто из «пятёрки» остался на свободе. Мне кажется, вас вводят в заблуждение.

Он снова вперил в неё свой взгляд. Если девчонка опытный профессионал, то сыграет она мастерски. Судя по тому, как она держится, выучка у неё приличная. Работал кто-то из опытных.

Науманн вспомнил, как осенью 1941-го Аню привели под конвоем полевой жандармерии. Странно, но ведущий разработку унтерштурмфюрер Краучек даже не удосужился сделать запрос в секретариат. Хотя по всем отделам были разосланы специальные конверты, где были ориентировки на активную и потенциальную агентуру русских, из числа партийных и комсомольских работников, активистов, бывших чекистов и военных.

Материалы были обильно снабжены фотографиями, копиями личных дел, писем и публикаций из советских газет вперемешку со справками Службы и Полиции Безопасности третьего рейха. Ориентировка на Аню также имела из досье реферата II-a-IV секретной государственной полиции (AmtIV).

Но этот Краучек, наполовину германец наполовину чех, взятый специальным набором из Судет накануне восточной компании (его отец по проверенным данным был с 1935-го в русском плену, затем перешёл на службу в Чехословацкий корпус, из которого ушёл к красным: не удосужился заглянуть в картотеку, хотя обязан был сделать это. Он сразу же начал «энергичный допрос», применив методы устрашения. Сделал это на пару с другим идиотом, гауптштурмфюрером Пламке, который принялся бить «объект». Второго Науманн с большим удовольствием отправил на фронт. А Краучек был переведён инструктором в школу полиции. Плюс к тому Краучек попросился в расстрельную команду. Там сложно не отличиться, если не быть чересчур мягкотелым.

Себя оберфюрер мягкотелым не считал. Хотя расстрелы, что применялись на Востоке, недолюбливал и сам в них предпочитал не участвовать. Всякий раз, выделяя людей для акции над евреями из гетто, задержанными в ходе облав, при которых не оказалось документов и которые не представляли оперативного интереса, русских и польских пленных (последние отказались эвакуироваться в 1941-м), он чувствовал хитрый план, заложенный фюрером в оккупационной политике. Сокращать поголовье неполноценных славян, очищать земли для германских колонистов на Украине и в Центральной России? Одновременно провозглашая лозунг борьбы с большевизмом, привлекая для этого бывших белых генералов Краснова и Шкуро, деятелей русской эмиграции? Но большая часть прусского генералитета и офицерского корпуса, хоть и относилась к России без особых симпатий, но отвергала этот варварский план. Ряд чинов из ведомства Шелленберга также вознегодовали. А в Европе между тем, не проводилось никаких массовых карательных акций. И Европа это оценила. Ни о каком партизанском движении во Франции, Бельгии и даже Чехословакии даже не мыслили. Некоторые хлопоты доставляли боевики из армии Крайовы, что подчинялись польскому правительству в изгнании со штаб-квартирой в Лондоне, да армия Людвиг Слободы, что проводила в Польше линию Москвы. Но потери от них были ничтожны. Другое дело – Балканы. В Югославии, что всегда была вотчиной Туманного Альбиона, по слухам, было сформировано полупартизанское соединение, что успешно действовало против итальянских оккупационных войск. Оно тоже проводило линию Москвы, но англичане с этим почему-то мирились, засылая туда своих инструкторов, оружие и прочее. Здесь Науманн тревожно отмечал растущую солидар-

ность двух держав, противников рейха. Ведь Балканы были всегда как кость в горле для России и Британии. Не пустить туда русских было чуть ли не национальной идеей политиков от Палмертона до Чемберлена и нынешнего графа Мальборо, Уинстона Черчилля.

Всё больше и больше оберфюрер приходил к мысли, что фюрер или имеющий на него воздействие Борман, а может и Геббельс, сознательно изготовили «План политики рейха на востоке», что бы русские ни на мгновение не сомневались, что им надо жить по формуле «Убей немца!» Так вещал их пропагандист, вроде Ганса Фриче – Илья Эренбург по московскому радио, не подозревая (а может и подозревая), что усиливает войну с другой стороны. Так писали в газетах и листовках, что поступали от партизан и подпольщиков. Ясно, что окружение фюрера, если ни он сам, подставили германскую империю под топор. Как бы не с подачи Сталина, подумал Науманн.

– Признаться, я намеревался провести вас по следственным камерам, – опустил глаза Науманн и загадочно улыбнулся. – Но теперь моё настроение изменилось. Это пошло и наивно – показывать вам методы устрашения. Думаю, это не усилило бы наши симпатии. Скорее наоборот... – он замаялся, понимая, что сказал лишнее, но тут же исправил ситуацию: – Предлагаю вам свою машину. Надо проехаться в одно интересное место, проверить поступившие данные на одного... хум, гумм... субъекта.

Не дожидаясь ответа, он нажал кнопку вызова. Прибежавший референт, тут же получил необходимые распоряжения и скрылся. Науманн облачился в кожаное пальто с лисьим воротником, надел на себя фуражку с лисьими наушниками. Он собирался повязать повязал грудь шарфом с пёстрой баварской вышивкой. Но подумав, как он будет выглядеть, отказался от этой затеи.

– Прошу вас, – жестом Науманн пригласил Аню в гардероб за китайской ширмой, где висели шинели вермахта и СС, куртки на меху и латексе и прочие костюмы. На особой вешалке размещались головные уборы, где среди фуражек и пилоток с каскетками висели зимние шапки. – Переодевайтесь в форму войск СС. Я помогу вам. Это необходимо для конспирации, вы же понимаете.

Он уже надевал на её плечи серо-голубую шинель с молниями на чёрных петлицах, когда она уловила тёплую волну долгожданного спокойствия и окончательно успокоилась. «Опель-генерал», урча форсированным двигателем, мчался безо всякого сопровождения по заснеженным улицам. Узкие всполохи света выхватывали из темноты патрульных. Кроме Ани и Науманна, сидящих в мягких кожаных креслах, рядом с шофёром возвышался чин СС без знаков различия. Они обменивались неуловимыми жестами и короткими репликами. На Аню оберфюрер не смотрел, лишь изредка массируя пальцем левое надбровье. Было в этом магическом движении что-то тёплое, завораживающее и одновременно опасное.

– Выходим, фройлен, – Науманн вышел первый.

Молодой офицер СС открыл дверцу в салоне и протянул Ане руку в байковой перчатке:

– Пожалуйста, фройлен. Выходите наружу.

Аня поблагодарила его будничным голосом, ещё раз удивляясь германской педантичности. Не просто выходите – выходите наружу. Что ж, уже не страшно!

Ум уже расслабился, сознание впитывает лишь нужную информацию, которая отложилась в нём заранее. Говорят, это называется подсознанием, но в данном случае это совершенно неважно. Главное, чтобы этот фашист (или национал-социалист, как они себя называют) не проверили её как дурочку вокруг пальца. Пройдя мимо тёмной фигуры в ватнике и цигейковой шапке, что подсветила им дорогу короткими вспышками фонарика, они стали подниматься по деревянной лестнице. Ступеньки были выскоблены множеством ног, когда-то живших и живущих здесь людей.

В коридоре третьего этажа, таком же деревянном и трескучем (казалось, что дом раскачивало из стороны в сторону), мимо Науманна, что шёл как на пружинах.

Впереди шмыгнула какая-то старуха. Укутавшись в шали и платки, она на ходу крестила себя, приговаривая: «Свят, свят, свят! Изыйди...»

– Открывайте, тайная государственная полиция! – кулак Науманна в лощёной перчатке чувствительно толкнул дверь с номерком «29».

Аня стояла за ним. Молодой эсэсманн, утопивший шею в меховой воротник, подозрительно осматривался. Время от времени, казалось, он погружает взор в её затылок. Наверное, их этому учили, подумала Аня и тут же спрятала свои мысли. Её показалось, что жало чужого внимания погрузилось ещё глубже и становится ещё острее.

За дверью что-то зажглось и звякнуло. По всей видимости, упала связка ключей. Затем замок туго crackнул. Свет от керосиновой лампы пробежал по кожаному пальто Науманна красновато-оранжевыми бликами. Через секунду Аня рассмотрела женщину, что стояла на пороге с лампой в руках. Это была её давнишняя знакомая и связная между ней и «Бородой»...

Оберфюрер рывком распахнул дверь и рукой отстранил эту особу в глубь комнаты. Следом стремительно вошли Аня и её сопровождающий, что плотно затворил дверь.

– Ви есть хозяйка этот квартир? Отвечайт, бистро! – рявкнул молодой эсэсманн, страшно выкатив глаза.

– Зачем так грубо? – казалось, искренне удивился Науманн. Он что-то сказал весьма грозным шёпотом по германски, и его подчинённый мгновенно вышел наружу, затворив дверь. – К тому же, когда перед тобой столь очаровательная русская фрау. Вряд ли у него бы получилось, разговаривая с вами в таком жедухе.

Он расстегнул пальто и положил на стол фуражку с тускло мерцающими глазницами адамовой головы вместо кокарды.

– Мне известно, – продолжал он, пригладив виски, – фрау, как есть... Аграфен, что вы служите в городской управе. Мне также известно, – он смахнул с серебристого жгута на левом плече, указывающего его должность, а не звание, невидимую соринку, – что вы и ваш пока неведомый мне хозяин водите за нос мою службу. Делаете это весьма профессионально, что заслуживает уважения. Браво! – он с силой хлопнул в ладоши, заставив эту хорошенькую жен-

щину съжаться. – Это не есть хорошо! Получается, что вы работаете против Великой Германии, и я вынужден вас арестовать.

Немного помолчав, он вынул из глубокого кармана пальто автоматические наручники и пристегнул один браслет к руке Аграфены.

– Вот так, фрау! Что вы скажете?

– Это какая-то ошибка, господин офицер, – залепетала Аграфена своими полными, красными губами. – Я никогда не работала против Германии. Простите, я хотела сказать – против Великой Германии.

– Это снова не есть правда, фрау Аграфен, – Науманн на этот раз коснулся её подбородка, что привело её в мелкую дрожь. – Кто есть по-русски «Радуга»? Видите, как хорошо я знаю ваши тайны? – он слегка хлопнул её ладонью по щеке.

Из глаз Аграфены выпали предательские слёзы.

– О, слёз! Это слёз раскаяний? Так есть? Или это игра в русский театр? – вкрадчиво продолжил допрос Науманн.

– Нет, нет, – вздрогнула женщина. – Только не надо меня бить...

Тряхнув её скованную стальным браслетом руку, Науманн подозвал эсэсманна. Он велел ему «поработать со старушкой». Тот, коротко кивнув, вышел вон.

– Я прошу вас, не надо ей ничего делать, – заревела Аграфена. – Капитолина Матвеевна, эта такой тихий, богобоязненный человечек. Не надо...

– Хорошо, ей ничего не сделают, – Науманн снова тряхнул её руку. – Не бойтесь, фрау Аграфен. Вам тоже ничего не сделают. Вы знаете этого человека? – он молниеносно вынул из кармана пальто руку с фотокарточкой, что уместилась на ладони.

По лицу Аграфены пробежала едва заметная тень.

– Да, конечно: Этот господин заходил в городскую управу к господину бургомистру, – пробормотала она.

Её полные красивые губы через силу раздвинулись в улыбке.

– Очень хорошо! Что ещё вы можете о нём сказать? – Науманн чуть отвёл руку с фотографией. Его взгляд скользнул по платяному шкафу с портретом фюрера поверх желтовато-серых обоев в цветочек.

– Больше ничего, господин офицер. Я клянусь...

На стене проскрежетали ходики. Гирька на цепочке поползла наверх. Сквозь распахнувшиеся дверки дала о себе знать кукушка.

– Одну минуту, – Аграфена неосмотрительно потянулась к окну, но Науманн одним рывком бросил её к себе.

Она стала блее снега и опустилась как опара на стул. Науманн, подойдя на цыпочках к стене, выглянул через окно на улицу. Рука Аграфены, как безжизненная, потянулась за ним. Усмехнувшись, он разомкнул ключом браслеты и сложил их в карман. Рука Аграфены сама собой, как плеть, упала вдоль туловища, а плечи её вздрогнули. Всем своим существом она понимала, что сейчас произойдёт её разоблачение. Аню она так и не рассмотрела и посчитала за немку. Сама девушка кидала на себя взгляды через зеркало на трюмо – заправская эсэсовка. Если бы не заячьи ботики Амалии Фёдоровны, то всё сходство с прежней Аня осталось только в глазах. И то, если как следует всмотреться. Какой-нибудь подпольщик, не задумываясь, разрядил бы в неё наган или «тэтэшник», или швырнул бы под ноги ручную гранату. Даже взгляд стал каким-то неживым, металлическим. О такой наверняка напишут: «своимпаучьим взглядом фашистка буравила советскую подпольщицу». Дураки...

– Мы ждём одного вашего знакомого. Или вашего хозяина, – мягко продолжил Науманн, разглядывая огонёк керосинки, которую Аграфена поставила на середину стола. Он перевернул портрет фюрера на стене и обнаружил там Карла Маркса. – Ваши убеждения делают вам честь. Если это настоящие убеждения, а не страх, за которым вы прячетесь, – он задумчиво повертел в руках портрет и кинул его на постель с отогнутым одеялом. – Думаю, скоро всё объяснится, мадам.

– Да, вам скоро всё объяснят, – молвила Аграфена.

Её взгляд внезапно столкнулся с глазами Ани. Её зрачки расширились, а плечи вздрогнули словно от электрического удара.

Первым желанием «Радуги» было воскликнуть: «Она подпольщица, господин офицер!» Но этот необдуманный порыв она тут же задавила. Губы её моментально стали сухими, а горло покрылось колючими комьями засохшей слюны. Она беззвучно пошевелила губами и перевела взгляд в пространство, будто никого не заметив. Науманн с интересом следил за её реакцией. При этом он слегка подмигнул в сторону Ани. Девушка, сощурившись от затаённого презрения, тоже смотрела в пустоту, что образовалась вокруг Аграфены. Сведённые за спиной руки она постепенно расплела и опустила по талии в узкой шинели.

Вскоре по коридору затопали чьи-то шаги. По едва уловимому скрипу подгнивших половиц, было ясно, что шёл профессионал или человек, который старался быть незамеченным. Науманн знал шаги своих сотрудников. Это был явно не шарфюрер Зольман. Он не изменился в лице, когда в дверь постучали два раза. Лишь указал Ане за платиновый шкаф. Аграфена лишь с тоской и мольбой глянула ему в глаза. Помедлив, оберфюрер опустил руку в правый карман пальто и сделал шаг к двери.

– ...Какие у нас обстоятельства? – вежливо поинтересовался пухлощёкий, довольно рослый блондин с голубыми глазами, что отворил дверь, как бы не решаясь ступить за порог. Он явно привык к тому, что хозяйка её в назначенный час не запирала.

На нём оказалась цигейковая шапка армейского образца, чёрная шинель с серым эрзац-мехом на обшлагах и воротнике, а также белая повязка «полиция порядка». На широком брезентовом ремне советского образца со звездой на пряжке в брезентовой же кобуре висел

револьвер системы наган. Топая подшитыми валенками, этот полицейский стал на удивление пристально разглядывать Науманна, будто раньше они были знакомы. При этом он не проявлял признаков беспокойства. Последний даже съёжился как насекомое или инфузория-туфелька под микроскопом.

– Кто вы такой? – светлые брови оберфюрера сдвинулись при этом угрожающе: – Ваш аусвайс, живо!

Он хотел было сказать жёстче, но почувствовал, что узнал блондина. Ноги, казалось, провалились в жидкое месиво и потянули их обладателя куда-то в преисподнюю к чертям свинячьим. О, Валгалла? Вечно живые боги и духи предков тоже... В облике «полицая» перед ним стоял не кто иной, как Вильнер. Он же шеф энзацгруппы «В», штандартенфюрер СС из VI Amt. SD (Службы безопасности).

Группа GPR находилась с ним в оперативном взаимодействии, подчиняясь полковому штабу СС при группе армий «А». Приказы обоим отдавал обергруппефюрер Цанге. Правда, в феврале 1942-го Цанге и большую часть штаба взорвали в Мценске русские диверсанты. Теперь его место занял оберфюрер Эзерлинг, который также представлял ведомство Шелленберга и был как кость в горле у Науманна.

«...Вы здесь?» – чуть не соскочил с уст Науманна идиотский вопрос.

Тишина на короткое время повисла такая, что хоть топор вешай, как говорят эти русские. У оберфюрера выступила холодная испарина. Уж кого, а пройдоху Вильнера он здесь менее всего ожидал увидеть. Скорей всего, Винфред-Шатхова из местной абвергруппы. Ох, если бы герр капитан...

«Полицай» не дожидаясь идиотских вопросов, сунул ему под нос изящную картонку, срезанную на левом верхнем углу, где красовалось запаянное железным ободком отверстие для шнура. Борисов Иван Иванович, старший полицейский полиции порядка Заречного района города Шмоленгса... Кровь толчками прилиwała и отлиwała от лица Науманна. А его коллега и заклятый конкурент стоял и по-простецки улыбался ему прямо в глаза. Глаза у него были также голубыми, что бесило уж совсем невыносимо. Проклятая свинья...

– Прошу вас, фрау, выйти в коридор. Живо! – с натянутой любезностью проговорил Науманн. Дождавшись, пока Аграфена выскользнула, как тень, он внезапно взорвался: – Что за трюки, штандартенфюрер? Вы вездесущи как воздух?!? Или у вас половина жителей завербованы...

– Всё может статься, – ещё шире улыбнулся Вильнер. – При наличии необходимых навыков...

– Довольно! – рывкнул Науманн, но тут же сбавил тон: – Объясните мне, какие отношения вас связывают с этой особой.

Вопрос был наполовину идиотский, но всё же терпимый.

– Вы собираетесь её арестовать? – спросил Вильнер, пряча тревогу за улыбку.

– Нет... Впрочем, если это потребуется, это будет сделано незамедлительно. Не сомневайтесь. Итак?

– Профессиональный контакт и ничего больше. Я не поддерживаю интимных отношений с представителями низшей расы. Особенно, славянами. Итак, партайгеноссе?

– Штандартенфюрер, мы здесь при исполнении долга. Потрудитесь забыть о панибратстве.

– Обергруппефюрер Нёбе считает иначе. Войны СС обязаны называть друг друга на ты...

– К чёрту, что думает этот Нёбе! – Науманн снова повысил голос и снова выровнял его: – Лучше спуститься вниз, мне думается.

– Надеюсь, наша встреча не повод, чтобы мне пустить пулю в лоб? – хитро поинтересовался Вильнер. – Честно говоря, мне и здесь хорошо.

Науманн поморщился, вспомнив про Аню за платяным шкафом.

– Мне видится один выход. Мы должны делиться информацией агента, – шёпотом проговорил Науманн. – Вы её привлекли, а я вышел на неё. Мне это стоило больших трудов. Как видите – мы тоже умеем работать не хуже вашего.

– Мне это прекрасно известно. Кроме того, мне прекрасно известно о ваших доверительных отношениях с шефом Абвергруппы, – усмехнулся Вильнер.

– У вас прекрасные источники! – заглохнул Науманн обиду с широкой усмешкой. – Что ж, похвально: Тем не менее, я здесь, потому что меня проинформировали о возможном нападении подпольщиков на жильца этой квартиры. А мы ведём наблюдение за всеми «хиви».

– Даже создали Русскую тайную полицию...

– Ах, вам даже это... Раз так, – понизил голос Науманн, – то вы понимаете: она на подозрении. Её могут скоро убрать. Постарайтесь либо спрятать её в надёжный «футляр», либо...

– Шокирующее воздействие? С чего вы взяли? – также снизил тон Вильнер. – Ну, во-первых, *pro status kwo*, как говорили древние римляне. Я плачу вам той же ценой, что и вы мне. Я также располагаю...

Науманн сделал предостерегающее движение и вынул блокнот, где размашисто написал: «Фрау Аграфен была задействована с 1935 года в сети Абвера. Она бывшая жена партийного функционера из Петербурга. Они оба проходили по делам ОГПУ (подумав, он зачеркнул и написал „НКВД“) в 1937 и 1938 гг. Мне известно, что согласно агентурному обмену Абвер передал её вам в 1940 году. Итак, как говорили древние римляне?»

Вильнер поискав глазами подходящий объект, кивнул на платяной шкаф. Затем усмехнулся и вынул свой блокнот. Подумав, он написал бисерным почерком: «Там кто-то прячется, верно? Не похоже, чтобы тайная государственная полиция взялась за меня без согласования с 3-м директором нашего ведомства. Впрочем, если пускаете дезу для русских или Абвера, то

ваше право. Да, по фрау Аграфен всё так. Я её использую в этих целях. В партизанском штабе сидит агент Ёбвергруппы. Похоже, кого-то придётся принести в жертву. Тем более, вы арестовали часть подполья. Кого будут подозревать? Только фрау Аграфен. Она действительно была репрессирована со своим мужем». «Вы предлагаете принести её в жертву, подбросив дезу абверовцам?» – молниеносно показал ему свою запись Науманн. «Вы очень проницательны!» «Я рассмотрел её как следует. Смазливая распушенная бабёнка. С такой накрашенной физиономией стоят под фонарём уличные девки. Она вам не нужна? Хорошо. Но может пригодиться мне...» «Хорошо, оберфюрер, давайте её просто попугаем. И больше ничего. Договорились?»

– Так вот, – кашлянул Науманн: – Мне очень приятно будет представить вам одну юную особу. Итак, фройлен Анна, прошу вас! Как говорят в России...

– ...прошу любить и жаловать, – подсказал ему по-русски Вильнер, с удивлением разглядывая юную девушку в шинели и пилотке СС, но зимних ботиках с заячьей опушкой, что плавно вышла из-за платяного шкафа.

У особы (по определению Науманна) было продолговатое выразительное лицо, прямой тонкий нос и синие глаза, которые сохраняли детскую невинность, но в глубине таили много неразгаданного. Русские про таких говорят: «В тихом омуте...»

Аня коротко и любезно приветствовала Вильнера кивком головы, он ей отвечал тем же. Он вспомнил, что девушка с похожими приметам дважды попадала в агентурные сводки: её зафиксировали с офицером комендатуры Кульмом в кинотеатре. Как выяснилось, она работает в одном из отделов полевой комендатуры переводчиком. Присматривать за ней вскоре стал агент на доверии «Вернер» (на самом деле, Вера Денисова, которую удалось «пробить» в тот же отдел переводчиком-референтом). Информация, поступившая от неё, не содержала ничего путного. Пару раз Аню отслеживали в городской управе, когда та контактировала по служебным делам с Аграфеной. «Радуга» тут же доложила ему, что на неё вышел эмиссар Центра. Фоммелю, что работал с ней параллельно жёсткими методами (на самом деле, копал под шефа по линии Amt. III) она этого не доложила. Дурак продолжал в указанное Вильнером время, переодевшись в гражданское, торчать на площади возле собора, в то время как...

Часть первая

Глава первая. Рывок отчаяния

Сквозь треск мотора её тихий, даже беззаботный голосок донёсся до него совершенно ясно. Будто говорилось в слуховую трубу или по телефону. По разъезженной дороге с зеленеющей стеной леса двигался так называемый «красный обоз»: десяток подвод с сеном. На головной, запряжённой гнедым и пегой лошадками, высился на шестах красный стяг. На ветру хлопая, он всё же демонстрировал тщательно выписанный масляной краской лозунг: «Выполним задание партии и советского народа – урожай в срок! Урожай для победы – ещё один удар по врагу!»

Бегло осмотрев круглое стёклышко стартёра, он удивлённо присвистнул. Да, разогнался! Позади, километрах в семидесяти оказалась сгоревшая деревенька с церквушкой, дорога с прямым выходом на грейдер. Скоро приедем. Машка права, надо бы сбавить обороты. Мчимся как угарелые. Будто гонится за нами кто.

– Ничего страшного, Машуля, – перекрикнул он грохот двигателя. Повёл плечами в погонах на хрустящем хrome плаща: – Тормазнём где надо. Не промахнёмся. С понтom что-то не ладится в моторе. Или резина подвела, – он замялся, но тут же как ни в чём не бывало, продолжил: – Ну, Машуня, не дрефь! Сниму сейчас сменное колесо, начну прилаживать. Сам, опосля – в лесок. Ферштейн, майн либер фрау? Вопросы?..

– Дурак он и есть! – процедила Маша сквозь покрашенные губки. – Поменьше здесь балакай по-ихнему. Понятно, товарищ капитан? Уполномоченный СМЕРШа Центрального фронта ещё называешься. Тьфу...

– А что в моём брёхе такого? Над битым врагом потешаемся, вот что это. Поняла ты – ферштейн? Или что... немецко-фашистский брех у большевиком под запретом? Нет такого!

– Нет такого, нет такого... За речами своими следи. Не то – на первом же КПП проколешься. Навязал же на мою голову, Господи, женишка.

Она сердито подтянула кожаный чехол на колени, что был собран в «гармошку». Сверкнула глазами... Он не видел, а если б увидал, то стало бы не по себе. Да что она мнит о себе, эта баба? Да, мордочка у неё подходящая. Если накрается да причешется – вообще ничего из себя. Если серыги в ушки – ещё лучше. Ну, а если ножку на ножку в телесных чулках забросит, в крепдешин или шёлк оденется, коготочки отполирует и лаком вскрыет – совсем заглядение! Но, в сущности, кто она и что она? До войны, говорит, была посудомойщицей, а затем разносчицей в столовой при строительном тресте. Как оказалась на курсах «Цеппелин»? Мотивы объяснила просто: ненавидит большевиков и советскую власть. А немцы разобрались и поверили. (Числилась, по её словам, посудомойщицей, при командирской столовке 3-го мехкорпуса на Северо-западном фронте. Там и попала в плен в первый месяц войны. Он про себя живо сбrehал, что при первой удобной возможности сдался в плен под Киевом. Прибавил к этому, что также советскую власть недолюбливает.) «А чего ты так не любишь, власть советскую? – спросила проникновенно, теребя волосы на его груди в постеле, где они развалились после любовных утех. – Посадила кого или расстреляла из твоих? Или сам в лагерь загудел по 58-

й?» «Да нет, милая, Бог миловал. Ни то, не другое, и не третье. Просто развернуться при этой власти мне никак не удавалось, – вполне откровенно отвечал он. – Ну как мне развернуться, если я не партийный, даже не комсомолец? Выше слесаря и шофёра не поднимешься. И у чекистов вечно будешь на приколе. Общественность будет донимать. Капать на темечко: почему не в комсомоле? Почему рожа такая кислая, когда на заём подписывался? Почему, когда осуждали на собрании врагов народа Бухарина с Каменевым, Томским и Радеком, взял да заснул? Сам случаем, не скрытый ли враг? Ась?» «А ты что, точно заснул? – не унималась она, целуя его в губы. – И не взяли тебя той же ночкой ахархары энкавэдэшные? Ах, где бы я была...»

«Стучала» девочка или нет, сие для него оставалось неведомым. Однако залетела она от него этой же ночкой. Случилось это за месяц до спецзадания. Всем женщинам-курсантам медотдел Абвера выдавал противозачаточные пилюли. Все ими пользовались, и беременных не наблюдалось. На этот раз вышло иначе. Их накануне задания свели в кабинете оберста Шредера (Ставински отбыл в командировку, что с ним случалось прежде), начальника разведшколы. В его присутствии незнакомый лощёный капитан вермахта с лимонно-золотистыми просветами в «катушках» и ленточкой Железного креста 2-й степени заявил то ли торжественно, то ли угрожающе: «Курсант Маша есть беремен. Но мы не будет делайт аборт и убивайт дитя. Это будет несправедлив. Для хороший исполнений заданий ви будет стараться, как можно. Только тогда ваш дитя родиться крепкий и здоровый. Ви поняль?..»

– Остановись, ещё проедем! – Маша ткнула левое плечо так, что «цундапп» едва не занесло на обочину.

– Тиши толкайся, мать твою... – он и сам понял, что приехали. – Сам знаю. Пихаться так больше не нужно. Ладно, Машуль? Ты тут посидишь, а если какие...

– А если какие краснопогонные или с повязками приставать начнут... – начала, было, Маша. Но тут же, облизнув накрашенные губы, нагло потребовала: – Документы мне свои оставь?

– Это ещё зачем? – он вырулил «цундапп» к обочине и заглушил двигатель. – Свои документы любой уважающий себя красный офицер хранит при себе. А ты бы на месте патрульных... – и, глядя в её поникшие глаза, сурово прибавил: – Сиди! Автомат только возьми под чехол. Могу «вальтер» дать или тэтэшник. Спустишь с предохранителя...

– Да не надо, – она отмахнулась хоть и лениво, но, как показалось ему, чего-то выжидала.

– Как так – не надо? – удивлённо-злоюще поднял он цыганские брови. – А если дезертиры какие? А бандиты? А немцы-окруженцы?..

– Ага, немцы... – натурально хмыкнула она. – По своим, значит, стрелять меня агитируешь?

Они с минуту смотрели друг на друга расширяющимися от удивления глазами.

– Ладно, уж... – наконец промямлил он в нерешительности, ощущая холодок под лопатками. Руку с «панцеркнаппе» тяжело оттянуло, а наплечные ремни неприятно врезались в кожу. – Сиди уже, героиня труда и обороны. Может чего и высидишь. Премию, какую... сталинскую...

Но вовремя осёкся. Послав ей ободряющий мах правой рукой, похрустывая плащом, он двинулся в лес. Когда его невысокая, с чуть приподнятыми плечами фигура утонула в лапниках низкорослых елей, она уже не смотрела в его сторону. А он, притаившись за ними, некоторое время наблюдал одинокий силуэт мотоцикла на влажной от дождя обочине. Затем, нерешительно посопев, двинулся вперёд, сверяясь со стрелками компаса. Ещё двадцать... десять...

Вспоминая полтора года в плену под Таллином, он содрогался вновь и вновь при мысли, что снова попадёт туда. За колючую проволоку в три ряда. Под открытое небо с палящим солнцем, или промозглое, с льющим ледяным дождём. Или белыми, погребальными хлопьями, что покрывали уже мёртвых и ещё живых скелетов в остатках красноармейского обмундирования. Утром шеститонный «Стеур» на гусеницах успевал увозить в кузове трупы, что где-то «утилизировались». Пленных с признаками инфекционных заболеваний, то ли по приказу коменданта «шталаг» Крегеля, то ли с его молчаливого, ободряющего согласия, стали расстреливать. Поначалу, когда ожидался приезд миссии Международного Красного креста из Женевы их загнали в «санитарный блок» что представлял собой наскоро сколоченный барак с дырявой крышей. Из всех медикаментов там имелся один лишь йод да перекись водорода. На бинты рвались остатки бязевого белья, что кипятились в ржавой железной бочке. «...Тот русский, что будет не слушает германски командований и не исполняет дисциплин, будет „кацет“, – предупредил комендант, скорчив под высокой фуражкой такую зловещую мину, что пленным стало не по себе. – Это есть немедленная смерть! Доннер ветер! Здесь вы имеете возможность жить. Если будет слушает я отправить вас работать в фольварк к бауэр. Там есть перспектив выжить...» Затем, подобрев, он стал распинаться, что в условиях содержания, не соответствующих нормам Гаагской конвенции он, майор Кregel, вообще-то не повинен. Так как «...есть старый зольдат и выполняйте приказ». Слово он сдержал и ряд пленных, не особенно измученных, после того как их помыли из шланга и прожарили их лохмотья от паразитов, были отведены сначала на работу к литовским бауэрам, затем на маленький колбасный завод. На фольварке было здорово. Даже удавалось стянуть с поля картофелину или тыкву. Но если таковую находили при обыске, сами бауэры мутузили палками от мотыг. Или охрана шталага на пропускной несладко избивала резиновыми палками. Затем их куда-то убрали и «зольдатики» стали бить прикладами винтовок. А то и просто – вынимать из них шомпола с цепочками. Пороли прямо ими – по живому...

Миссия Красного Креста так и не приехала. Но, зато зачастили эмиссары из Абвера, что отбирали советских пленных, кто поздоровее, для работы в советском же тылу или прифронтовой полосе. Кто-то (а таких было немало!) потянулся на этот призыв в надежде оказаться за линией фронта, а там – как повезёт! Другие (а таких было тоже немало!) сломались при виде той снеди, что была на столе у вербовщиков. Там действительно кормили от пуза и шоколадом, и колбасой с сыром, давая рюмочку шнапса или здоровенную кружку пива тем, кто подписал согласие на сотрудничество. (Объедавшихся, правда, вовремя выталкивала из комендантской охрана, чтобы те не испустили дух.) Приличной была и та категория бедаг, что стала ненавидеть советскую власть. Случилось это не вдруг, но толчком оказалось поражение Красной армии на границе и ужасы пережитого в лагере для военнопленных. Самыми же малочисленными были те, кто действительно её ненавидел, в число которых входили идейные, недобитые или отпущенные до войны, по двум амнистиям, враги-троцкисты, да кое-кто из бывших, кому она крепко насолила.

С двумя последними группами (исключая «бывших») он общался помногу и подолгу, когда животы сводило от голода, а тонкая кожа, обтягивающая костяк, зудела от облепивших

её паразитов, вьевшейся грязи и холода. Особенно с теми, кто отмотал срок в лагерях, раскулаченными и сосланными да РВН, с вытекающим поражением в правах сроком на пять лет. (Несмотря на то, что треть из них, если не больше была со снятыми судимостями или освобождена связи с пересмотром дел или амнистией, озлобление давало о себе знать.) Разговоры сводились к одному: «...Как этого усатого гада одолеть?» – «Которого? Тот тоже усатый...» – «Помолчи, дурак! Всю страну в страхе держит. Сука...» – «Вот и я говорю, товарищи! Только на службе у товарища Гитлера, фюрера германской нации и вождя единой Европы, можно одолеть сталинскую тиранию. Как иначе? Он убеждённый революционер-троцкист, скажу я вам. Я вам даже больше скажу: национал-социалистическую рабочую партию создавал в 20-х председатель Коминтерна товарищ Карл Радек. Там и сейчас осталось много наших кадров. Главное до них достучаться и мы вырвемся из этого ада. А Сталин, усатый, как вы изволите... Ему выгодно, чтобы мы здесь гнили от голода, холода с болезнями. Почему? Да по качану! Он дал такие указания своим резидентам в СС, СД и Абвер, включая даже окружение товарища Гитлера. Чтобы сеять страх и ненависть к освободительной германской армии. Дескать, фюрер и вермахт хотят угробить Россию! Нет, не выйдет! Хрен тебе, усатый! Сами выйдем и угробим кое-кого...»

С ним работал в комендантской оберст-лейтенант (подполковник) Алиустус фон Рёне. Высокий, ладно скроенный, в летах, явно российского происхождения, что выдавала привычка сидеть, подбоченясь, встряхивать поминутно головой и делать живые замечания по ходу сказанного. Кроме того он шумно тянул чай или кофе из чашки, и звонко лупасил ложечкой по краешку. Ну, а манера говорить и произношение... «Рейх хочет вам добра, Алексей, – хлопая по плечу, прошёлся он мимо него, чтобы одёрнуть занавеску на окне с геранью. – То, что вы и ваши товарищи оказались в этой помойной яме – не вина германского народа и, в определённой мере, не вина таких, как я. Мы не рассчитывали, что сдастся столько пленных. Почти пять миллионов, в первые же дни. („Так много?!?“ – с невольным сомнением подумал он.) Представляете? Почти вся группировка Красной армии на границе. Потеряно почти 17 000 танков, 20 000 самолётов. Не верите? – Алиустус, стремительно вернувшись, выложил перед ним пахнувший типографской краской июньский номер газеты „Клич“. – Погибло почти 22 миллиона ваших красноармейцев и командиров. Какая печаль, какая утрата для России! Они могли служить великому делу единой Европы! Хотите ему послужить?» Он утвердительно кивнул, окончательно уверовав, что перед ним русский, так как Рёне злоупотребил этим «почти». Правда, про «ваших» применительно к погибшим лучше бы не говорил. «...Честно говоря, я и сам с трудом верю в такие потери. Но источник заслуживает доверия! Ведь это – не орган главного штаба вермахта, но эмигрантская пресса. Это печатаются ваши соотечественники, Алексей. Кстати, работая на нашу службу, вы сможете общаться с ними. Даже писать в эту газету и публиковаться в ней. Представляете, ваши статьи и заметки будут читать за границей! Вот именно... Кроме того, вы сможете приезжать в Европу, общаться с представителями различных наций, что мирно благоденствуют под опекой великой Германии. Вы будете приобщаться к великой европейской культуре, от которой вас оторвали большевики. Соглашайтесь!»

И он дал своё согласие. На него завели карточку, на которой по окончании развед-диверсионных курсов «Цеппелин» появился фиолетовый штамп – вознесённая кверху ладонь. Сейчас он думал время от времени и терзался при мысли о том, что стало с товарищами по штаб-лагу. Потому как в тот день, когда специально отобранную группу грузили в «опель-блиц» на крыльце «лагеркоменданте» в окружении холуёв возникла новая фигура. Дородный, краснощёкий, огромного роста бугай в комсоставского покроя длинной шинели без знаков различия, да в широкополой германской фуражке с малюсенькой кокардочкой без дубовых листьев, каковую (он узнал после) носили до 1935-го в рейхсвере. «Ну, чё, сволочи краснощёрые, ста-

линисты? Есть среди вас такие? Выходи... – ручища бугая скользнула к кобуре из-под пистолета ТТ. Немцы, обер-лейтенант Функе, обер-фельдфебель Блох и куча ефрейторов в момент притихли. – Ага, правильно, что не выходите! Я таких самолично стрелять буду. Позвольте представиться: ваш новый герр легаркомендант Дёмин Александр Филиппович. Бывший генерал-лейтенант Красной армии. Доблестной Красной армии, пока её строил и возглавлял товарищ Тухачевский, Уборевич с Якиром и Блюхером! Не забыли ещё, ребята? Вот то-то... Видали, как я вырос? Перешёл добровольно на сторону великого вермахта. Как я вырос, вашу мать? Не слышу?...» «Ага, вырос ты... Из генералов – в вертухаи фрицевские...» – хохотнул болезненно покрытый лишаями пленный в дырявом танковом шлеме, за что Дёминым был тут же застрелен. Сбившихся в кучу пленных тут же «выровняли» из двух пулемётов, что были установлены на вышках, а также тяжёлого MG34, что на станке возвышался у крыльца. Трупы, понятное дело, никто не считал. А при выезде за ворота, оплётённые колючей проволокой, он и прочие отобранные с ужасом заметили выстроенных в две шеренги литовцев, что, ухмыляясь, сжимали в руках лопаты. Потом рассказывали – ими лупасили тех пленных, кто не мог быстро идти. Конвою были лень тратить боеприпасы и колоть штыками. К тому же адмирал Канарис, в чьём ведении находились данные лагеря, запретил проявлять жестокость, но не отменил «определённую жёсткость» в отношении к русским пленным. И назначенный комендантом бывший генерал-лейтенант Дёмин решил обойти этот запрет. По его мнению, охотников служить Абверу прибавится, если «подключить местное население». И оно не заставило себя ждать...

Правда, через неделю после его отъезда лагерь посетил православный священник Ридигер со своим сыном-диаконом. Внутренне содрогаясь от тех лишений и страданий, которые узрели, они молились за здоровье и за упокой души крещёных. Крестили тех пленных, кто пожелал это сделать. Дёмин этому не препятствовал. Но и не поощрял эти послабления, что были допущены фон Рёне возглавлявшим некую Группу II при отделе «Иностранные армии» Абвер III. Но это уже была другая история.

...Изловчившись (пистолет-пулемёт и гранаты он оставил на гребне), Виктор кувыркнулся вперёд через голову под хобот орудия. Раздались ещё два выстрела, что тут же перекрыла очередь из ППШ. Заползая под оборванную гусеницу, Виктор услышал взрыв «лимонки». Полоснула короткая очередь, и всё стихло. Лишь ухала канонада танкового боя на равнине, да натужно ревели перегретые двигатели.

Едва забравшись в самоходку через нижний люк (мог запросто получить пулю пониже спины), он принялся орать в наушники радиостанции:

– Пятидесятый, пятидесятый! Слышишь меня, приём? Как слышишь... – он вращал тумблер в поисках нужной волны, и всё больше задавался вопросом зачем Сашка Иванов шарил в ходе боя по «вражеским» волнам: – Как слышите меня, приём!?

– Слышу хорошо, приём... – раздался отчётливо голос помощника командира полка капитана Стрегунова. – Кто говорит?

– Сороковой на связи.

– Доложить обстановку, сороковой.

– Докладываю, пятидесятый. Обстановка где-то между хреновой просто и совсем. Связи с экипажами нет. Нахожусь... короче, ориентир – напротив правого холма по ходу движения первого эшелона. Не доезжая метров пятидесяти. Дополнения к ориентиру – подбитый Т-IV. Позади меня горящая «тридцатьчетвёрка», затем два таких же горящих Т-70. За ними, в ста метрах примерно – уничтоженная вражеская батарея ПТО. Там будет уничтоженная танкистами самоходка «мардер». Верней то, что осталось от неё, родимой... Мною подбиты три танка. Из них один Т-III, один Т-IV и один «Тигр». Ну, и по мелочам...

– Отставить, сороковой. Про мелочи отставить. Обстановку понял. Доложить, почему потеряна связь с экипажами? Какие потери в личном составе и технике?

– Докладываю, – Виктор помялся, но продолжи: – Честно, пятидесятый? Если честно, то их всех под трибунал отдавать надо. Поэтому я лучше промолчу. Каждый норовит по своему воевать, а командира – через плечо... Как только во второй фрицевской волне образовалась брешь, три моих САУ туда устремились. Я орал как мог им, что б вернулись, а они ни в какую. Отбрехали, что не слышно. Если живы, то воюют как я – в гордом одиночестве. Пару раз из-за холма стрельнула 102-мм. А там, кто его...

– Понятно... Доложу по начальству, а там будем решать. Накажем, но как-нибудь келейно. Сам понимаешь, герои всё-таки. Ну а про себя, забыл?

– А что про себя... Два или три попадания в лобовик. Одно калибра 50-мм. С расстояния 400 метров. Скрикошетило... Другое калибра... чёрт его знает.. Гусеницу правую порвало. Починить нет возможности, окружены расчётом с подбитого Т-IV. Не дают головы поднять, твари. Так что пехотки бы нам подбросить, да...

– ...да прикрытия с воздуха! Понял. Подкрепление вышлем. «Стручки» тоже будут. «Огурцы» подбросить?

– Не мешало бы. Спасибо, пятидесятый. Ещё вот что, – понизив голос, он, так, чтобы не расслышал Хохленко, приникший к орудийной панораме, протянул: – По Иванову, моему радисту, просьба – проверить личное дело. Знает ли немецкий. И как знает. А то больно много... – он хотел было сказать о блужданиях Иванова в эфире, но что-то больно кольнуло его грудь, и он замолк. – И ещё. Ты это... не подумай, что я контуженный или выпивший.

– Пятидесятый, ну-ка доложить по существу!

– Есть... Докладываю, что были атакованы пятнадцать минут назад с воздуха. Это... Самолёт был какой-то странный, без крыльев. Совершенно круглый, как тарелка. Или игрушка, юлой называется. Из него, скорее всего, получили попадание калибра 37-мм, в лобовой бронелист. Присутствует отметена. Всё...

На той стороне вместо упрёков или угроз о наложении взысканий связь неожиданно умолкла. Как ни запрашивал «приём!», так и не включилась. Хорошо, если Груздев не узнает, с опаской подумал Виктор. А то...

– Командир, прямо по курсу – самоходка! – заорал у панорамы прицела Хохленко. – В пятидесяти метрах. Влупить ей, стерве, снарядик?

Виктор, оттолкнув наводчика плечом, тут же прижался к резиновому наглазнику прицела. Так и есть: за источающими клубы подбитыми машинами, нашими и германскими, появилось плоское тело на двухрядных катках с 75-мм длинноствольной пушкой. Stug III Ausf D по бортам была уставлена бронезэкранами. Вдобавок по корпусу густо жались люди в котлообразных шлемах, в пятнистых куртках с засученными рукавами. Руки Виктора бешенно скользнули к колесу гидравлического механизма. Хобот 85-мм Д-5С грузно опустился в основании 60 мм бронемаски. Вместе с ней – опускались и совмещались с целью чёрные «волоски» панорамы прицела с чёрными же делениями. Ещё, ещё немного, родимый... родимая... Виктор, до крови закусил губу. Пот солёной горячей волной нахлынул на глаза. Так её! Расстояние – 45 метров. Так, УБР-453СП, последний в БК. Где он, б... прости, Господи...

– Бронебойный сплошной – живо! Убью, заразу! – заорал он дико непонятно кому.

Хохленко торопливо сунул ему в руки унитарный патрон с чёрно-красным ободком на взрывателе. Виктор непослушными руками вырвал его и запихнул в открытый затвор. Хлопнула крышка. Вцепившись в пусковой шнур, он сам себе заорал:

– Второй выстрел не понадобится! С Богом! Огонь...

Выстрел огненно потряс бронерубку. Дунуло пороховыми газами. Вычертив трассу, сплошной бронебойный снаряд врезался в покатый пятнистый борт Stug III. Сорвав фрагмент экрана, он свечкой ушёл в небо. Уцелевшие с правого борта панцергренадиры моментально осыпались на землю. Хотя если погибшие были, то в основном от осколков с бронезэкрана, так как бронебойные снаряды их давали мало. Застучали ПППШ Иванова и Борзилова. Правда, с опозданием, что также показалось Виктору странным. Вот бдительность – тоже зараза! Как паутиной опутала. Всё от Сашки этого нахватался. Как он...

– Два выстрела, беглым! Чего стоишь, мудон?!? – заорал он, не оборачиваясь. Заорал с новой силой: – Давай остроголовые, б... какие есть...

Он опустил пушку на два деления ниже, так, что прицел совместился с первым рядом катков самоходки. После первого выстрела она осела на правый бок. После второго ничего нового в панораму он не разглядел. Было ощущение, что остроголовый бронебойный снаряд УБР-354А срикошетил, хотя на такой дистанции этого в принципе не могло быть. Но всякое бывает. Главное, что Stug III зияла рваной дырой ниже верхнего катка, вблизи трансмиссии. Двигаться она не могла. Двигатель он каким-то чудом (для фрицев!) не задел. Теперь два выстрела немного правей – заденет наверняка! Уж полыхнёт, так полыхнёт тогда. Но головы в котлообразных шлемах стали всё больше охватывать их со всех сторон. И он переключился на осколочно-фугасные. Поворачиваясь на одной гусенице, САУ принялась посылать эти снаряды, переустановленные на осколочный взрыв, в перебегающих и ползающих вражеских пехотинцев.

– Ты чё, паря? Я не понял, – рыжий нависал над «Гришей» всё больше и больше. – Чё здесь посеял? Предъяву какую имеешь?

Расстояние было метра полтора, когда он подошёл к дубу, а детина вышел навстречу. Бросил свою котомку и стал «бурить». Главное, осмотрел прежде место – никого не было... Из под земли он что ли взялся? На нём неловко топорщилась помятая гимнастёрка. Командирские галифе странно сочетались с пожелтевшими обмотками с кирзовыми «гавнодавами». Головного убора не было совсем. Сбоку от корней дуба валялся тощий «сидор», в котором если что было – так две блохи. Видок был ещё тот. Но если, то был дезертир или беглый зэка... Странно, такие боятся людей в форме. Да ещё с золотыми офицерскими погонами на каждом плаще. С кобурой ТТ. Такой отчаянный? Решил завладеть оружием, амуницией и документами? Тут же «Гриша» отметил, что пуговицы на гимнастёрке рыжего были застёгнуты как попало. Он их торопился застегнуть, что говорило о том, что эта форма одета была недавно. Он заметил ещё одно обстоятельство. Сами пуговицы были не металлические, с выбитой звёздочкой, но зелёные пластмассовые. Им преподавался курс по обмундированию и знакам отличия Красной армии. Эти пуговицы стали поставляться по ленд-лизу из США с 1942 года. Гимнастёрочка ношенная, а пуговицы, вишь ты, совсем новые.

– Ну что, начальник, – рисуясь под блатаря, оскалился рыжий детина, – причапал на свою беду? Ох, моя Маруся...

Он сделал выпад левой рукой, держа на отмашке правую. Не долго думая, «Гриша» совершил прыжок. При этом, накренившись вперёд, он прикрыл левой рукой лицо и грудь, а правой – живот и подбрюшье. Так, что хромовый плащ скрипнул. Вскинув правую ногу и вложив в неё силу прыжка, он свалил блатаря ударом в грудь. Тот, неожиданно беззвучно запрокинулся в ноздреватый, цвета мундиров «филдграу» мох. В следующий момент «Гриша» уже примостился на его спине. Коленом правой ноги он давил «блатарю» хребет.левой «в замок» он зажал его шею. Завернув до хруста правую руку поверженного, «Гриша» мгновенно придавил её коленом правой ноги. Затем так же мгновенно он стянул её крепенькой верёвкой, моток которой носил в кармане плаща, а дополнительный узел повязал вокруг толстой шеи «блатаря», поросшей неопрятным рыжим волосом. По ней, кажется, что-то ползало, но «Грише» сейчас было не до этого.

– Спокойно, друг – произнёс он ледяным, но приветливым тоном (так учили в школе!), чтобы дознаться до истины. Правой он выхватил из кобуры ТТ, кракнул предохранителем: – На фига ты забрёл сюда, да ещё такой неодетый? А, не слышу? – он больно ткнул рукоятью пистолета «блатаря». Тот зарычал: – Что мычишь, корова дойная? На каком складе обмундировку выдали? Кто навёл, говорить будешь? Сейчас яйца отстрелю, гнида!

– Слышь, начальник, маленько в меня не тычь, а?.. Я пуганый маленько. Может, договоримся? Я здесь не светился, ты тоже. Харе? Разбежались...

От следующего удара меж лопаток он глухо вскрикнул.

– Ладно ладно... понял я. Со мной всё умрёт.

На запястьях у «рыжего» не наблюдалось татуировок. Не было их на кистях рук и фалангах пальцев. Никаких «Маш», Сонь» или «Варь». Под дуриков работают, мелькнула обидная мысль. На что они рассчитывали? Что я «обтрушусь», что этот верзила меня уложит? Но что затем? Не ему же перепоручат задание? Если не ему, то кому?

– Вот что, друг, – голосом помягче заметил «Гриша», убрав всё-таки ствол от виска «рыжего»: – Если кто из своих тебя навёл, то ты это... смело признавайся. Да не бойся, слышишь? Что ты меня ждал, это факт. Даже не отпирайся. Не то...

– Всё, всё, начальник! Не буду!

– Вот и славненько! Вот и умный мальчик! Ату-ату... Так вот, давай знакомиться. Как тебя у нас кличут? Кличка твоя!?!

Он вложил в последний вопрос столько плохо скрытой угрозы, что лежавший сразу же вздрогнул:

– Это самое... Василием! Василием меня звать. А фамилия моя это... Не могу сказать фамилию и баста. Кличка моя «Цвигун».

– Опаньки! Приехали... – довольный и, чувствуя, что рыжий «запел», он потрепал его по неопрятной макушке рукой в перчатке. – Молодец! Совсем молодец! Жить хочешь и жить будешь. Кто тебе попугать меня приказал? Непосредственный или наш главный?

– В смысле?

– Ой, я сейчас снова рассержусь!

– Всё, всё! Ну, этот... Меня проинструктировал Крумме.

– Это который? С бородавкой на шее?

– Да не, вы что! Какая у него бородавка! У него шея гладкая. Даже без морщин.

– А как его ребята прозвали? «Лесовиком»?

– Не а! Не «Лесовиком». «Лосём» его на курсах зовут. Походняк у него больно важный. Ну, а ещё «жидом». Но это так...

– Мда-а-а... – протянул «Гриша» со зловещей задумчивостью. – Не думал я так про него, не думал. Что на подянку такую...

– Да ни, ни! – испуганно зашептал рыжий. – Да вы что! Какая подянка? Вы что... Во-первых, он приказ выполнял. Во-вторых, это он меня проинструктировал насчёт формы.

– Не понял?

– Ну... Чтобы я оделся так, чтобы вы меня сразу срисовали. Будто я сразу с парашюта и – переоделся.

– А... Ладно, с этим всё ясно. Скажи-ка ты мне теперь, голуба, вот что. Неужели тебе, такому...

– Я понял... Мне было передано так: попугать и всё. Дескать, он поймёт.

– Ну а если б я тебя... ну, немного того?

– Нет, не стали бы! Во-первых, мне вас как джюже любопытного обрисовали. Во-вторых, сама ситуация. Что здесь кого-то встретите... В третьих, я вам сейчас кое-что скажу, а вы внимательно послушайте. Хорошо? – и, не дожидаясь, рыжий немедленно продолжил неузнаваемым голосом: – Вы это... того – жить хотите? Так вот, бросайте всё это задание к едрене фене. Вам ясно, «Гриша»? Вот то-то! Видите, я даже псевдоним ваш знаю. Ага...

– Я вот сейчас... – рука с ТТ вновь прислонила вороненый тупой ствол к рыжему, коротко стриженному затылку.

– Да бросьте! Вы же всё давно просчитали! Вас убьют. Никто вас даже не спросится. Да кому вы такой нужны, «Гриша»? Подставили вас, вот что! Немцы свою, другую операцию готовят. Им нужно дезинформацию большевикам сбросить. Они вас и выбрали. Через сердечную привязанность к вашей... ну, «Машке», зацепили. Вы думаете, – заторопился рыжий, чувствуя как учащённо забился пульс у сидящего на его спине: – ...что ей ребёнка оставили просто так? Ага, сщас! Запросто так эти гады ничего не делают. Они вас повязали таким образом. Наживку вам обоим забросили, а вы её сглотнули. Уверен, что её отдельно обработали. Чтобы она в вас подозревала скрытого врага, большевицкого агента, труса и саботажника. Ну, и всё такое-растакое...

– Как?!? Гонишь или борзеешь?!? – у «Гриши» кровь отлила от тела и заledenели кончики пальцев.

– Да не... Ствол-то ты убери, начальник. Договорились? Так вот, слушай. Шестёрка в блатном мире – уважаемый человек. Не опущенный. Сам я до войны в шестёрках у Васи Тёмного ходил. Вор смоленский. В здешних краях в сильной чести. Просекаешь? Харе? – начал рыжий прежний голосом.

– Харе, харе... – «Гриша» хотел сломать ему шейные позвонки, но вовремя одумался. Надо было ещё убедиться, что в тайнике. Сердце моментально покрыла корка льда. Стало не по себе при мысли, что «рыжего» навели именно на это место. Хотя, впрочем, что тут странного? Куда ещё, прикажите, наводить? Кроме всего... Наверняка он заброшен за линию фронта уже давно. Не стал бы Крумме жертвовать «первачком» ради столь серьезной акции. Правда, будет весело, если сейчас за ними кто-то наблюдает из-за кустов или деревьев. У «рыжего» наверняка такой наглый тон ввиду этого. Интересно, он и впрямь думал, что я его даже не попытаюсь убить? Были такие мысли, ой, каюсь были...

– Лежать неподвижно, – он резко привстал и прыжком оказался по правую сторону от лежавшего. Ухватив его захватом за шею, резко повернул лицом на запад. – Назад не глядеть. Понял? Зыркнешь, пуля промеж глаз. Усёк?

– Усёк...

То, что он обнаружил в тайнике, превратило его в сплошной кусок льда. В контейнере был, как и следовало ожидать свёрнутый листик папиросной бумаги. На нём колонкой цифр был закодирован следующий текст: «ЦЕППЕЛИН-ГРИША. ПО ПРОЧТЕНИИ СЖЕЧЬ. ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЭТО ПРОИЗОЙДЁТ, СОВЕРШИТЬ БРОСОК В ТРИДЦАТЬ КИЛО-

МЕТРОВ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ. СОЙТИ В ЛЕС. ПЕРЕСЛАТЬ В ЦЕНТР РАДИОГРАММУ УСЛОВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ. ЖДАТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ. ОБЪЕКТ НЕ ЛИКВИДИРОВАТЬ. В СЛУЧАЕ ЕГО ЛИКВИДАЦИИ СДАТЬ РУКОВОДСТВО ОПЕРАЦИИ МАШЕ. ПАУЛЬ».

С минуту он сидел возле корней. Разинув рот и ловя им спасительный свежий воздух. Пока солнце не проникло за густую завесу тёмно-зелёной листвы, теплей ему не стало. Вот суки... Арийцы, мать их... Такие же гавнюки, как и все остальные. Тридцать километров назад! Кто такое делает? Где такое прописано в учебных пособиях по агентурно-диверсионной и разведывательной деятельности? Да им нарочно с первого же курса вдабливали: после высадки – отойти как можно дальше от места выброски. Да не по прямой, но – петляя. В любом случае по дорогам могут быть кордоны. Они, проверив документы, могут передать данные по цепочке. И тогда – пиши-пропало! – группа примелькается и «засветится». А это – без пяти минут от провала! А этого, значит...

Он с непонятным чувством осмотрел лежавшего на земле рыжего. Он достал из нагрудного кармана гимнастёрки зажигалку из гильзы. Запалил листик с шифром. Затем спрятал и замаскировал контейнер. Получается, что парень изначально ему подыгрывал. Долг платежом, как говорится, красен.

– Сейчас я тебе ослаблю узлы, – сказал он спокойно, садясь коленом на его спину. – Сосчитаешь до ста, только потом освободишься и уйдёшь. Ферштейн?

– Вы подумайте о том, что слышали, – раздался ему в ответ другой голос рыжего.

«Гриша», ни слова ни говоря, ослабил узел. Теперь лежащий мог дотянуться до него пальцами и развязать. Внутри было ещё холодно. Но мысль о том, что «Маше» было поручено его ликвидировать, если он ликвидировал бы «рыжего», обожгла его с ног до головы. Ага, после условленной радиограммы. А потом самостоятельным ходом добраться до какого-нибудь явочного «ящика». И «осесть» там, пока её не переправят за линию фронта. Или ещё чего...

Он не торопясь шёл сквозь сучья и ветки, отстраняя тяжёлый еловый лапник. Сапоги хрустели по сосновым иглам. Он пренебрегал многим писанным и не писанным правилам конспирации. Зачем ему они были нужны? Зачем? Его послали на верную смерть. Им затребовалась «подстава». Вот и нашли дураков. Эту красивую и брюхатую, беременную от него дуру. На что она рассчитывала? Дура... Он видел перед собой эти холёные и рассудительные лица Крумме, Ставински и прочих немцев-преподавателей. Гады...

Он пару раз оглянулся. Чаша, прорезанная сквозь кроны тёмной листвы бледно-золотистыми потоками света, была величественна и пуста. Суетливо перебегала с ветки на ветку и, петляя, спускалась по мшисто-серому стволу, белка с пушистым чёрнобурым хвостом. Её глазки-бусинки замерли на его полусогнутой фигуре. Казалось, проникли в самую глубину и вывернули её наизнанку. Много было неприятно вспоминать. Много хотелось забыть.

Он вспомнил, как пришли за отцом в 1937-м. Хрустя кожаным пальто, вторгся ранним утром в комнатку общежития старший лейтенант НКВД в малиновой фуражке с синим верхом. Он вручил ошарашенной семье ордер на арест, украшенный сиреневой круглой печатью и подписью городского прокурора. «Воронов Григорий Алексеевич здесь проживает? Предъявите ваши документы! Ознакомьтесь. Собирайтесь...» Следом шагнули двое бойцов в шине-

лях с малиновыми петлицами, в таких же фуражках, при винтовках и патронных сумках. Сиротливо жался к стене дворник, поднятые соседи-понятые, а также участковый милиционер, что шмыгал носом и казался уверенным в себе. Комнату тут же обшарили основательно (понятые сидели и старались никуда не смотреть). Были изъяты деньги, которые боец НКВД обнаружил под подушкой отца, несколько книг и брошюр, одна из которых, тоненькая, изданная в Мехико, называлась «Бюллетень оппозиции» за авторством Льва Давидовича Троцкого. (Изъятые книги, впрочем, тоже принадлежали бывшим оппозиционерам и его сторонникам, что уже были расстреляны.) Пролистнув одну за другой, останавливаясь на выделенных местах и занося их в протокол (опись изъятого велась отдельно), старший лейтенант даже причмокнул: «Какая контрреволюция! Развели тут, понимаешь...» «Не смей, слышишь ты... жандармская морда!» – вспыхнул было отец, едва не сорвавшись с места. Но на плечо его тут же легла рука конвоира. «Я те голос-то подниму! – криво усмехнулся старший наряда, занося что-то в протокол. Изъятые брошюры он спешно упаковал в свой планшет: – Кончилось ваше времечко, троцкисты-оппортунисты. Настало время ответ держать перед советским народом. Твари...» Последнее прозвучало грозно, но по-мальчишески. Алексей, которому тогда было восемнадцать, приснул смехом. Мать лишь сильнее прижала его к себе. «Ты у меня ещё посмейся! – повысил старший лейтенант голос. – Тоже к нам хочешь? Знаешь, чем отец твой занимался? Ничего, узнаешь. А будешь идти тем же путём, окажешься у нас. Вы, мамаша, ему об этом чаще напоминайте». И разразился под конец обыска пышной тирадой о процессах троцкистской оппозицией, их связях с социал-фашистами и мировой буржуазией. Во всю эту чепуху не хотелось верить. И не верилось до тех пор, пока не попал в плен и не наслышался от троцкистской оппозиции, что действительно всё это время плела всевозможные заговоры и стремилась организовать убийство Сталина.

Он предусмотрительно вскинул пистолет, когда деревья стали заметно редеть и показалась жёлто-серая лента дороги. Вот он, силуэт зеленовато-синего мотоцикла с деревянным, притороченным к люльке ящиком. Стоп... Внутри всё отмерло. Непослушными (в который раз!) стали ноги, деревянными внутренности. В люльке никого не было. Подле мотоцикла также никого. Играет с ним, девка? Или устроилась где-нибудь поблизости, с автоматом наизготовку? В шифровке ясно сказано: в случае ликвидации объекта передать командование... Вот оно как, Алёша. Те ни в грош людей ни ставят, и эти тоже. Одним миром все мазаны, сволочи. А он и прочие людишки суть муравейник. Копопиться в дерьме призваны, от самого что ни на есть, от рождения.

В конце-концов он, осмелев от чувства собственной обречённости, решил выйти на обочину. Пистолет (как учили) держал за ствол, утопленный в рукав плаща. А Машки всё не было. Когда на дороге, подсохшей от солнца, запыхало. Показался зелёный, вытянутой посадки грузовик «студебеккер». Он, не доезжая до «цундаппа», резко, но уверенно тормознул. Из окошка вылезла вихрастая голова молодого парня в лихо сдвинутой пилотке:

– Товарищ капитан, помощь не нужна?

Он круто мотнул головой.

– Парень, где тут ближайшая комендатура?

Он знал, что не ранее, чем через час, если выехать на грейдер и ехать по прямой, то будет Смоленск. Там тебе и этапно-заградительная комендатура и военный комендант, и НКВД. Кому хошь, как говорится, тому и сдавайся на милость победителя.

– Дак это... В городе и есть, – вылупил на него серые глаза водитель. – Может я того... на прицеп вас возьму? Ага?..

– Да нет, мотоцикл в порядке, – устало, от нахлынувшей апатии, процедил «Гриша». – Ты это...

Водитель с улыбкой изготовился было что-то ответить, но улыбка застыла как приклеенная на его молодом, вытянутом и скуластом лице. Вращая оловянными от ужаса глазами, он дико взвизгнул:

– Немцы! Ложитесь, товарищ капитан!

Забыв про всё, «Гриша» тут же слился с землёй. А водитель вытянув из-за сиденья карабин, лязгая затвором, прыгнул с ребристой подножки грузовика. «Гриша» инстинктивно обернулся в сторону, куда был направлен ствол карабина. Он обмер – из-за лапника в распахнутом демисезонном плаще, из-под которого виднелось синее крепдешиновое платье, шла Машка. Её красивое круглое лицо светилось зловещей уверенностью.

– Так, руки вверх! – гаркнул водитель. – Кому сказано?!? – и, не дожидаясь «китайских церемоний»: – Кто такая? Чего здесь бродишь? Документы!

Машка криво повела губой. Но и виду не подала, что презирает его. Говорил он так много и сбивчиво ясное дело – от страха. Руки его с положенным наизготовку карабином тряслись. Скорее всего, недавнего призыва. Молодняк ещё, восемнадцати нет. Водил полуторку до войны, окончил техникум. Девку ни разу не целовал, или целовал, но испугался. Забыл, как это делается, супчик-голубчик. В партизанах, быть может, воевал. Хотя не похоже. Тот, кто срезал и убивал, так не трусится. Нет, не убил ты ещё никого, сосуночек. А вот тебя...

– Юноша, да прям! Женщину что ли убивать будешь?

Она давила на нерв. И достигла своего. Этот юнош в необмятой цвета хаки гимнастёрке опустил своё оружие. Он в нерешительности перемялся с ноги на ногу. Затем, шмыгнув носом, заявил:

– А у нас строжайший приказ – всякого, кто из лесу выйдет, подозрительного – на мушку. И к коменданту или в управление НКВД.

– Зачем в НКВД? Тю... – она скривила густо намазанные губы. – В СМЕРШ, наверное. Ты не забыл, мальчик?

– Не-а... – округлил он глаза. – Но нам так сказали.

– А, плюнь на тех, кто сказали. В Красной армии есть своя контрразведка СМЕРШ. Она всеми шпионами и диверсантами занимается. Понял? – Машка приветливо качнула головой в сторону «Гриши», всё ещё распростёртого по дороге. – Вот, товарищ капитан тоже из СМЕРШа. Вы, пожалуйста, не стесняйтесь, – она кивнула «Грише» так, что он немедленно поднялся. – Да, да, именно это. Покажите товарищу бойцу свои документы. И продолжим движение. Ясно?

Он, одёргивая запыленный плащ, угрюмо мотнул головой. Затем, достав из нагрудного кармана красную книжицу с маленькими буквами «Контрразведка СМЕРШ» по корешку, показал её водителю.

– Всё ясно, – тот неуверенно запихнул карабин за сиденье. Оглядываясь, полез туда же: – Счастливого пути, товарищ капитан. И вам также.

– Да... Пожалуйста, ваши документы, – она, ласково улыбаясь, приблизилась к нему.

– А, это самое... да пожалуйста...

«Тигр» медленно поворачивал свою округлую пятнистую башню, округлённую с боков и украшенную трубками дымоиспускателей. Он появился вскоре после того, как Виктор вторым снарядом уложил-таки вражескую самоходку. Появилась двойка «илов» в сопровождении одного МИГа. Они принялись утюжить местность, где расположились вражеские пехотинцы, реактивными и авиационными снарядами. Всё покрылось султанами земли и пламени. Виктор, было, вздохнул спокойно вместе с другими членами экипажа, ощущая лишь недолеченную внутреннюю тревогу (подозрение насчёт Иванова). Но вскоре сквозь броню донёсся слабый крик Борзилова: «Командир! „Тигр“ справа...» В окуляры командирской башенки Виктор живо рассмотрел петляющий меж подбитыми танками силуэт Pz.Kpfw. V. Грохоча восьмью парами с каждого борта катков, насаивающихся друг на друга, новейший гитлеровский танк двигался весьма осторожно. Делая короткие остановки, его командир поворачивал командирскую башенку. И понятно: помимо дымившихся то там, то тут зелёных обгоревших Т-34, Т-70, Су-76 и прочей русской техники он повидал немало такого же разгорающегося железного хлама с чёрно-белым крестом. Русские хоть и попадали в артиллерийские засады, как в 1941-м, атакуя по старинке фронтально, но все ж овладевали германской тактикой. Они уже научились наносить массированные удары. Кроме того парализованная с начала боёв за курский выступ русская авиация начинала захватывать преимущество над люфтваффе. Теперь уже не «фоке-вульфы» и «Ю-87», но «чёрная смерть» наносила удары по германским коммуникациям. В сутки панцердивизии из-за её работы теряли по двадцать боевых машин, не считая бронетранспортёров, тягачей и прочей техники.

Виктор мрачно прикинул свои возможности. Расстояние до цели – 400 с небольшим. На таком расстоянии «остроголовые» давали рикошет. Кроме того, на высокую начальную скорость полёта снаряда не приходилось надеяться. А броня у «Тигра» лобовая – 100 мм. Бортовые листы в 80 мм. Рассчитывать приходилось только на сближение с этой грузной машиной. Либо на удачный выстрел в башню, что с боков имела толщину по 50 мм. Если повезёт – заклиним 88-мм пушку. Поубиваем или подраним осколками экипаж. Вот такие вот перспективы невесёлые, прямо скажем.

А тут ещё стало «веселей». В мемюранах наушников, где шумели чужие частоты и раздавался германский многоголосый лай или русский трёхэтажный мат, раздались знакомые позывные:

– Сороковой! Приём! Пятидесятый... Как слышно?

– Есть, пятидесятый! Сороковой слышит вас хорошо. До...

– Ну-ну, докладывай. Только быстро.

– Я как раз и хочу быстро. Тут у меня цель в 400-х метрах – «Тигр». Остановился, гад, и высматривает. Видно, они по радиции получили сообщение, что здесь артзасада или огневая точка. Высылают головную машину для разведки. А самоходка, которую мы раскурочили, была охотником. Танковым снайпером. Только я думаю, что надо ждать гостей с флангов. Так что помощь, пятидесятый, помощи жду! Не дайте сгореть в адском пламени!

– А что, ещё... Ах, засранцы... – голос Беспечного стал зловещим. – Точно в штрафную захотели. Ладно, не хотим по-хорошему, будет по-плохому. Сейчас снова свяжусь со шта... тьфу ты, бестолочь! С «муравейником», пусть вышлют «фасоли» и хотя бы пару «сучек». «Соколов» постараюсь напрячь. Но это не главное, комбат. Как ты запрашивал насчёт твоего Иванова, помнишь?

– Как же! – у Виктора неприятно заledenело. – А что там... что-нибудь обнаружилось?

– Ты это... напраслину пока не гони. Успокойся, главное. Он сейчас где?

– А, это... – у Виктора всё внутри превратилось осклизлый ком и провалилось ниже пупа. – Там, снаружи.

– Вот и хорошо! – ворвался в эфир незнакомый жёсткий голос. – Слушайте меня внимательно, сороковой. Говорит сорок восьмой. Как слышно, приём?

Виктор почувствовал невероятное облегчение, хотя внутренности его полоскались ещё ниже уровня живота. «Сорок восьмой» это были позывные контрразведки «СМЕРШ». Он как бы случайно услышал в разговоре Беспечного накануне об этом. При нём майор связался по радиции через эти позывные с уполномоченным контрразведки при штабе дивизии, которой они были приданы. Надо было доложить о поведении трёх бойцов и одного командира батареи, что были ему чем-то интересны. Беспечный жестом попросил Виктора покинуть палатку.

– Ага, я понял, сорок восьмой. Приём!

– Отлично! Значит так, сороковой. Во-первых, благодарю за бдительность и жму лапу. Во-вторых, сохраняй спокойствие. Что там видишь перед собой – плюнь... Всё у тебя получится, все цели поразишь. Сейчас главное одно – своего Иванова не упускай из виду. Как ни в чём не бывало, с ним держись, понял?

– Так точно, понял, товарищ сорок восьмой.

– Спасибо, за товарища. Часы при тебе? Не стали?

– Да, не стали. При мне.

– Раз не стали, значит уже при тебе. Слушай внимательно. Сейчас на моих без пятнадцати двенадцать. На твоих?

– Двенадцать ровно, това...

– Переведи стрелки, как у меня, – требовательно перебил его уполномоченный. – Ровно в 13—00 чтобы вышел со мной на связь. Что б кровь из носу, как говорится. Понятно?

– Есть, понятно. Разрешите исполнять? – глупо осведомился Виктор.

– Есть, разрешаю. Ещё раз молодец. Ещё раз жму пять. Действуй.

– Я... это... сорок восьмой! – «вдогонку» заорал Виктор, но тут же спасительно сбился в шепот: – Докладываю, что на поле боя замечен был мальчик, что проживает в деревне. Имени не помню. Более точные данные у лейтенанта Ахромеева из моего батальона, что остался...

Но в эфире оглушительно затрещало. В этом треске потонули все радиосигналы. А тут ещё Хохленко заорал как резаный:

– Комбат, «Тигр» накрылся! Смотрите!

– Да ну! Ить, едрит их...

С «Тигром» и впрямь творилось что-то неладное. Что-то с оглушительным треском лопнуло позади или сбоку от пятнистой продолговатой башни с мощным хоботом пушки. Вскоре танкер потонул в клубах дыма. В грохоте боя было не разобрать, из чего стреляли. Но, судя по всему, «засадил» в двигатель. Хотя непонятно было, отчего пламя так нехотя разгоралось! Высокооктановый бензин, на котором работали все фрицевские танки и прочая техника вспыхивал мгновенно кустом яркого пламени, что превращался в ослепительно горячий сноп. Отчего так не произошло?

– Комбат, что делать будем? – раздался под ухом голос Хохленко.

– Иди ты! Сам не знаю.

Скорее всего, ловушка, пронеслось в голове. Дым пустили. Либо шашку на броне запалили, либо пиропатрон рванули. Выманивают... Дальнейшее, правда, приятно удивило его. Позади, умело лавируя меж подбитых и горящих машин, выползла СУ-122. Сергиенко живой! Получается, он подбил «тигра»?

– Сергиенко, ты живой?! – заорал Виктор в мембраны наушников, презрев всякую кодировку. – Отзовись, чертяка!

В ответ из наушников донеслось шипение. Вроде бы по-русски гаркнул кто-то, но затем притих. С СУ-122 тем временем происходило вот что. Она совершила разворот. Подобно бору, прочертив круг, самоходка задом попятилась в их направлении. «Правильно, – подумал Виктор, – поумнел парень. Не подставляет задницу под прицел. Но почему не слышно ответа? Рацию повредило?» Он в перископы командирской башенки внимательно, с замирающим сердцем, изучил продолговатый, скошенный зелёный корпус СУ-122 с короткой, выдвинутой вперёд гаубицей. Позади него отчётливо вырисовывались топливные баки и выхлопные трубы, изрыгающие искры вперемешку с клубами сизо-голубого дыма. «...Ага, дуже странно – противник так взял и пропустил её сквозь боевые порядки! – продолжал думать

Виктор с нарастающим возбуждением. Пальцы лихорадочно, почти не чувствуя самоконтроля, зашарили по затвору и спусковой скобе ППШ. – Ага, немає дурних! Так мы и купились на ваши пряники, господа фашисты. Видать, ребят наших... вечная им память... того – в расход, а сами, на их место. То-то было сообщение от Беспечного накануне, что под Андреевкой при захвате райцентра немцы использовали трофейные тридцатьчетвёрки. Сволочи, мать их... Так что...» Он был почти уверен в своей правоте. Но ударить через трансмиссию по СУ-122 как-то не хотелось. Мало ли что! Да и жаль боевую машину, пусть и отбитую, но всё-таки сделанную руками советских людей на Уралмаше. Зачем её портить? Надоть, как говорится, повторно отбить. Теперь уже в собственные, законные руки.

С Богом, сказал он себе. И крикнул в триплекс:

– Братцы славяне! Внимание, подходит самоходка. Быть всем начеку. Особенно тебя прошу, Иванов.

Он почти не думая сказал последнее. Но сказал это быстро и уверенно. Почему? Сам он по прошествии времени обозначил это для себя так: Иванову будет одновременно странно и приятно, что его выделил командир. Выделил, но не пожурил. Если это враг, то враг. Либо излишне напряжётся, либо вовсе расслабится. Комбат просит подчинённого! Ха...

Следя в триплекс за грохочущим в их сторону стальным прямоугольником с белым номером «30» на скошенных низких бортах, он думал о следующих вражеских шагах, будя там враг. Зайдут назад, а затем возьмут под прицел. Но что им это даст? И вообще, не свихнулся ли он со своей подозрительностью? Фрицам проще было послать две—три машины с флангов. Взять их в клещи и... Зачем, действительно, этот номер с трофейной самоходкой? Им что – понадобился ещё трофей, СУ-85? Обнищали?..

Но мысли его были сбиты внезапным, потрясшим его открытием. В ответ на его приказ-пожелание тем, кто остался снаружи, прозвучала тишина. Никто ему ни ответил. Ни Борзилов, ни Иванов. Неужто, Иванов...

Его резали без ножа. Отрезали ему все пути к отступлению. Заставляли действовать по навязанному. Он не мог этому сопротивляться, но и не мог поддаваться. Поэтому, кинув Хохленко (тот разинул рот) малопонятное, но выразительное: «Держи на прицеле!», Виктор распахнул в днище САУ крышку эвакуационного люка. Схватив пистолет-пулемёт, он скользнул на комья рыхлой земли. Зная, что снаружи этот лязгающий звук за шумом ревущего, перегретого двигателя вряд ли слышим, он, особенно не волновался. Горячая волна обожгла его прятно. Эта волна толкала его вперёд.

За гребнем воронки ни маячили, как и следовало ожидать, чёрные танкистские шлемы. Иванов и Борзилов куда-то делись. Зато увиденное им впереди сразу всё расставило по своим местам. Как только СУ-122 въехала, пятясь задом, в «мёртвую зону», по бурой земле из-под массивного канала 122-мм юркнул перекатом силуэт в пятнистом маскировочном одеянии. Один, второй...

Виктор поймал в прорезь ППШ это место, где мелькнули диверсанты. Но в следующий момент ощутил на шее железный обхват чей-то сильной руки. Уперев в его спину колено, его профессионально давили к земле. Второй рукой кто-то выворачивал его правую руку. Не найдя ничего лучшего, Виктор изо всех сил, рискуя изувечить себе лицо, вдарил эту вражескую руку

кованым прикладом ППШ. Получилось! Сзади вырвался раздирающий душу вопль. Человек, сидящий на его спине, оторвал свою руку, как будто её ужалили. Этого момента было достаточно, чтобы Виктор, изогнувшись в противоестественной позе (ему продолжали заламывать правую), держа оружие пальцами левой, изо всех сил вдарил сидящего на своей спине прикладом. Конечно, сказать, что изо всех сил – означало покривить душой. Удар был не очень силен. К тому же ППШ выпал из разжавшихся пальцев. Но удар произвёл на врага ошеломляющее впечатление. Он судорожно выпустил левую руку Виктора, который, не теряя ни мгновения, довольно сильно тряхнул всем телом. Тряхнул так, что сидящий запрокинулся и окончательно выпустил его из своих цепких захватов.

Ещё через минуту они, вцепившись друг в друга, кубарем катились по изрытой, пахнувшей своим и немецким толом земле. Почти в обнимку рухнули в воронку, где, уперев дуло пушки в дно, валялась сорванная взрывом башня Т-34. Голова Виктора звонко приложилось о что-то выпуклое и железное. Но думать было некогда – над собой он увидел занесённое хищно сверкнувшее, голубоватое лезвие. Удар пришёлся рядом с лицом. Нож засел по рукоятку в землю. Виктор вцепился в запястье чужой руки зубами. Подмявший его под себя снова взвыл. Он инстинктивно нанёс Виктору два удара левой в область сонной артерии. Но тот успел выставить подбородок. Чувствуя, что теряет силы (кто-то будто отсасывал их), комбат снова призвал в помощь Всевышнего. В тот момент, когда знакомая тугая струя Божественного сияния вошла ему в мозг, словно очистив его от комьев грязи, он ударом в челюсть, казалось бы совсем слабым, отбросил врага далеко от себя. Выхватив из кобуры ТТ, наставил его на поверженное тело:

– А ну, хенде хох! Я не шучу.

– Я тоже, комбат. Сука...

Это был Иванов, во что верилось с трудом. Левая его рука была в крови и покрывалась багрово-синим отёком. Он держал её, прижавши к себе и баюкая как младенца. Правой он совершал замысловатые, быстрые движения финкой. Добродушное некогда его лицо с красивыми усиками и полубочками стало осунувшимся и бледным. Его покрывала копоть. Но глаза оставались прежними, не лишёнными лукавого задора. Правда, на мгновение в них проскальзывало незнакомое холодно-расчётливое выражение, что наряду с прежним взглядом откровенно пугало и даже обезоруживало противника.

– Ну, что, комбат... товарищ Померанцев Виктор, по отчеству не помню как, это всё-таки произошло! Не желаете это признать? А я желаю. И признаю. И вам советую. Лучше сдавайтесь. Там действуют настоящие спецы, ни чета мне. Хохленко уже уделали, а Борзилова я уделал. Он-то жив, зараза. Был бы я там, может, упросил бы оставить его в живых, – на этот раз Иванов врал бесстыдно, что не могло не укрыться. – Мыслишь, комбат, виновником какого преступления являешься? Человека из-за тебя там убивают? Эх ты... Сдавайся!

– Пошёл ты на х...

– Ах, так...

Сияющее лезвие, совершив замысловатый круг, оказалось под носом у Виктора. Он успел присесть. На какое-то мгновение Виктор забыл о своём оружии. Вспомнив детство, ухватил с горсть земли и бросил россыпью перед собой. Иванов, шепча что-то матерное, отскочил. В следующий момент пальцы Виктора уже напомнили ему про ребристую рукоятку пистолета.

Сняв с предохранителя и передёрнув ствол, он выпустил в заметавшийся перед ним знакомый силуэт всю обойму.

...Иванова мотало из стороны в сторону. Последним движением, сделав выпад, он угодил по касательной в правое ребро комбата. Но тупой вытянутый вороненый ствол ТТ изрыгнул последний выстрел прямо в живот. Иванов, беззвучно шевеля тонкими губами, с остекленевшим взглядом, медленно осел на Виктора. Лезвие финки больно царапнуло кожу, что под сукном и брезентом амуниции стала набухать мокрыми пятнами.

– Иванов... Славка, зачем? – Виктора рвало на своего бывшего бойца и боевого товарища. – Что я тебе... Как ты мог, на командира... руку?... Я ж тебя сейчас...

– Знаешь, комбат, – шептал поверженный им бывший боевой товарищ, – заткнись ты! Когда твоё место среди них, а моё среди вас, то лучше помолчать. Скажи спасибо, что не убил. Тебе в мозг вселился, но подчинить не сумел. Сильный ты, чёрт, сильный... Все вы сильные, если под Богом ходите. Он вас любит, а нас нет.

– Слушай, зачем... ты, сволочь? Добью...

– Дурак ты... Сдохну я сейчас. Слушай... – на губах у Иванова появились розовые пузыри, – я здесь по заданию давно. Что теперь... Раз такое на мою долю выпало, обещаю, что пацана моего в Одессе найдёшь. После войны, если жив останешься. На Дерибасовской шестнадцать все знают – Анна Иванова... Анна Николаевна, мама моя. Понял? Повтори... то-то! И ещё: в Сочи это... на Цветном бульваре, в управлении НКВД сидит наш агент. Сидит долго, ещё с двадцатых. Не знаю, как на него выйти, но знаю, что до войны он служил в Краснодаре. За два-три дня его туда перевели. Хотели на границу, а перевели...

Он окончательно замолк, когда изо рта вырвался хрип. Вот, поди ж ты, подумал Виктор, гад, а всё-таки – человек. Своего выдал, если не соврал. Хотя, зачем ему врать? Недаром говорят, перед смертью человеку ничего не утаить. Если что сказал, значит, так оно и есть.

Он пришёл в себя от шлепков. Кто-то шлёпал его маленькими, но сильными ручонками по щекам. Затем на лицо обрушился тёплый водопад.

– Дядя командир, дядя командир! Да очнитесь! – раздался срывающийся в плач знакомый детский голосок.

То был Сашка из деревни. Отвинтив колпачок фляги, что висела на боку Виктора, он полил его водой, которую набрал в рот по самые уши.

– А... что... Фу, спасибо тебе, мальчик... – Виктор, придавленный телом Иванова, едва ворочал губами.

Во рту неприятно давили комья рвоты. Правое ребро саднило порезом. Кровь, что пропитала комбинезон, редкими струйками проникла в брюки и за голенище сапога. От этого хотелось рвать ещё сильнее. Как на именинах в училище, вернее после опохмелки, пронеслось у него в голове запоздалое воспоминание.

– Ты как здесь? – не найдя ничего лучше, спросил он, глядя мальчишке прямо в глаза.

– Вы-то как, ходить можете?

– Так, ты это... Вопросы старшему по званию мал ещё задавать. Тьфу, что это я... – Виктор как бы нехотя пихнул мёртвого Иванова. Тот сполз обмякшим тюком на землю, под ноги. – Вот, дружка потерял. Гнида оказалась редкостная... такая вот... – Виктора несло, и он ничего с собой не мог поделывать. – За-а-араза, проститутка, б..! Убил бы такого, два раза бы убил! Ты как здесь, гадёныш!?! – он внезапным рывком схватил мальчика за лямку и рванул к себе. Раздался треск: – Шпионишь, докладываешь своему Абверу? Родине изменяешь, сучонок? Придушу...

– Ай, дяденька, пустите!

Чувствуя слабые шлепки по лицу, что наносил мальчуган обоими руками, Виктор, наконец, выпустил его. Понимая, что перегнул, виновато опустил голову.

– Прости, – задавленно произнёс он. – Нашло что-то. А вообще, шёл бы домой, к мамке. Нечего здесь шастать под огнём. Не ровен час убьют тебя. Многих уже убили. Я вон своего боевого товарища тоже кончил. Не товарища... так – гадом оказался этот товарищ. А ты иди, Сашка. Давай...

Испуганно тараща глазёнки, Сашка ловил перепачканными ручонками оборванную лямку. Наконец он её поймал и стянул тугим узлом.

– Вы это... дяденька, не подумайте ничего. Я на наших работаю. Не на фрицев.

– А я ничего и не думаю, парень, – Виктор неловко полез на гребень воронки, слушая непривычную тишину, что повисла над полем боя. – Только хочу, чтобы одним трупом стало на свете меньше. Понятно? Вот и мамка твоя, поди, волнуется. И сестрёнка...

– Это не мамка, – быстрым шёпотом отвечал мальчуган. – Мамку в Германию ихнюю угнали. Это сестра её. Нас к себе взяла.

– А сестре что – повезло? – нахально осведомился Виктор, подползая к гребню. – Ростом не вышла?

– А у тёти Клавы муж был староста. Его немцы назначили. Вот её почему не угнали. Вам понятно?

– Ага... жаль не попался он мне, – процедил Виктор неласково. – Уж я бы... Или он тоже – на наших?

– Ни! Дядя Витя вообще ни за кого не был. Так, сам по себе. Так он и говорил: «Всяк сам по себе».

– А сейчас где? В подполе прячется?

– Да нет. С немцами сбежал. Хотел и нас с собой, да тётя Клава не позволила. Говорит ему: «Раз ты сам по себе, то и мы тоже сами по себе». Он хотел её прибить, а она его ухватом. Немцы как заржут! Он голову обмотал моей рубашкой и с ними в машину. Вот так...

Виктор посмотрел наружу и обомлел. «Тигр» стоял, направив дуло с массивным тормозом, прямо возле его самоходки. СУ-122 в развёрнутом состоянии тоже уставила ствол в наше расположение. Время от времени, обе машины шумели внутри голосами. По характеру их звучания было ясно, что ведутся радиопереговоры. Но самое главное произошло минутой позже. Над головой и по земле скользнула овальная тень. Юла...

– Дядя, опять! – зашептал мальчишка. – Вы только не смейтесь и не ругайтесь. Я её уже видел.

– И я тоже, – нехотя признался Виктор, теперь уже шепотом. – Сашка, слышишь меня? Не ори как на пожаре. Понял? Лежи тихо. От, блин...

За островами подбитых машин сзади он увидел движение германских танков и бронетранспортёров, что шли ромбом. Среди боевых машин были как привычные глазу модернизированные и не очень PzIII и PzIV, так и отбитые Т-34 с мальтийскими крестами на броне. У этих «меченных» башни были увенчаны командирскими башенками, а вместо привычных глазу 20-калибровых Ф-34 были установлены 75-мм пушки с коническим тормозом. Вскоре, гусеничные машины с уложенными сверху дополнительными траками, вышли из общего строя. Хлопнули металлические дверки на гробовидных кузовах и по обеим сторонам вытянутых кабин. Фигурки в пятнистых куртках понесли троса с крючьями к застывшим, искореженным панцерам. Десяток машин тут же оказались взяты на буксир. Тягачи заурчали и принялись выволакивать их с поля боя.

Виктор с ненавистью следил за их работой. Запасливые, нечего сказать! Мы-то так быстро ещё не научились эвакуировать свои подбитые танки. Понятное дело – Родина новые даст! Он с негодованием следил за корпусом своей СУ-85. Жалко... А командирская башенка на «Тигре» с номером «335» пришла в движение. Тускло поблёскивая зеленоватыми перископными стёклышками, она поворачивалась на турели то вправо, то влево. Но взгляд Виктора будто прирос с СУ-122. Поначалу он не рассмотрел продолговатые тёмные предметы, распростёртые возле передних гусеничных скатов. Но затем, присмотревшись, обомлел. Он рассмотрел, выхватив из футляра бинокль, прикрученных проволокой двух советских танкистов в тёмно-синих, замасленных и запыленных комбинезонах с чёрными, мягкими полевыми погонами, на которых можно было различить красный просвет и блескучие звёздочки. Их связали по рукам мотками проволоки, прикрутив её к тракам. Сволочи, гады – мать их... Не танкисты наши, конечно, но те, кто эти сделали. Выродки в человеческом облики, эти немцы, облачённые в пятнистые зеленовато-коричневые куртки, в касках с молниями; в коротких, с расходящимися голенищами сапогах, покрытых по всей подошве квадратными шляпками гвоздей, что чеканят неприятную, нервную дробь по камням.

Тут черноволосая голова крайнего, правого к нему танкиста дрогнула и склонилась на бок. В окуляры бинокля, подкрутив колёсико «резкости», он увидел горбатый, окровавленный нос, расплывшийся по загоревшей скуле тёмно-фиолетовый подтёк. Сощуренный миндалевидный глаз, казалось, весело (что было страшно!) подмигнул ему. Тевосян Армен... Барефзес, дорогой мой командир! Что они с тобой сделали, сочинец... советский, настоящий советский офицер!

Тут один из ремонтных транспортёров приблизился к его родной самоходке, которую не хотелось называть сейчас «сухой». Лязгая гусеницами, вражеская машина зашла со стороны её трансмиссии. Из металлического продолговатого кузова прыгнули, опасливо пригнувшись, две фигуры в оливково-зелёных комбинезонах и пилотках с чёрным кантом. Они принялись раскручивать тяжёлый трос с крюком, что бы подцепить им СУ-85. Уволочь его «боевую подругу» в свой тыл.

Решение пришло быстро. Рука Виктора, опережая мозг, поползла к ракетнице, что висела у него на боку в брезентовой кобуре. Наблюдать, как фрицы утягивают с поля боя свои и советские машины, он спокойно не мог.

...«Гриша» одним движением прихватил ТТ, утопленный в плащ. Он молниеносно вскинул руку и выстрелил в неё. Пуля разорвала болонь на правом Машином плече. Неловко хватая прострел левой, она сперва с удивлением воззрилась на него. Словно говоря: «Ты что – очумел совсем? Я же ношу твоё дитя, ирод!» Затем она медленно осела на дорогу. Плащ вздулся вокруг неё пузырям.

У бойца-водителя лицо вмиг стало мелово-бледным. Шевеля ртом, словно силиясь поймать крупинцы воздуха, он принялся поднимать ствол карабина.

– Боец, отставить!

Это крикнул слабым, но настойчивым голосом «Гриша».

– Отставить, кому говорят! – повторил он уже сурово, сводя узкие чёрные брови на переносице: – Слушай меня внимательно и не бойся. Мы... я и она – диверсанты. Понял? Кивни! Ага... Слышал про Абвер? Нас забросили сюда. Мы на него... на Абвер этот гребаный работаем. Меня ты можешь не бояться. Вези меня сдаваться в комендатуру, в НКВД, к чёрту лысому... В СМЕРШ. Понятно?

Он говорил это всё больше, понимая, что по какой-то мощной, но невидимой, необъяснимой причине не может даже с места сдвинуться. Одной из составляющих этой таинственной причины была та, что сидела сейчас на дорое и носила в чреве его будущего дитя.

– Ты это... пистолетик-то брось! – деревянным голосом проскрипел водитель. – Кому говорят, положи!

Он сделал неловкое движение карабином. «Гриша» усмехнулся как можно добродушно. Убить этого молокососа в необмятой гимнастёрке и пилотке ему было всё равно, что чихнуть. Одним чёхом, как говорится. Однако он решительно выронил ТТ перед собой.

– Отойди от него, кому говорят! – боец уже передёрнул затвор. Он держал вороненое дуло на уровне «Гришиной» груди, где поблёскивал эмалью орден Славы. – Слышишь меня!?!

– Ты, дурило, успокойся... – Алексей начал было, но остолбенел.

Дыхание застряло в перехваченном горле. Он заметил краем глаза, как Машка, облизывая губы, умелым движением вынула «Вальтер» ПП. Удобный маленький пистолет, снабжённый пружиной для сброса обоймы. Крак-к-к... Этот звук, такой привычный, резанул по сердцу. Предохранитель был взведён. Пистолет был готов к стрельбе, если передёрнуть затвор и загнать пулю в ствол. Но он недооценил её «рыбью кровь». Щёлк, щёлк! Два выстрела слились в один. Бойца словно переломило. Запрокинувшись на спину, он пошёл на подгибающихся ногах к «студебеккеру». Выронил карабин. Затем протянул обе руки, чтобы ухватиться за зелёное крыло кабины с забранной в решётку фарой. Но произнёс «мама», а затем тихо сполз на бурую землю.

– Сука-а-а... – выдохнул из себя Алексей, так, чтобы полегчало.

– Кому сука, а кому и жена законна, – процедила Машка, держа «вальтер» наизготовку. – Ну, вот что, голубь сизокрылый. Ты что же, краснощёрым сдаваться собрался? Прошла любовь завяли помидоры? Вот так, значит. А страшные клятвы, которые ты давал, прикажешь... – он как можно спокойнее, но игриво указала глазами на живот. – А наш ребёночек?!? Его чекисты выныачают? Ты про него подумал своей башкой... тупоголовой?!? То-то...

– Ты зачем... зачем этого паренька... Что он тебе сделал...

– Вот это? Брось сопли распускать, кому говорю! Ну-ка мне! – она надменно, кривя губы, стала подниматься. Будто забыв о ранении: – Я вас, соколиков задрипанных, хорошо узнала. Тогда, в 41-м. До войны вы все – «броня крепка и танки наши быстры»! А как петух жареный куда следует клюнул, так кинулись кто куда. Кто в плен, кто к бабе на завалинку. Небойсь, пригreet, спрячет от тех и от других. Как же... Баба она всё потянет, всё вытерпет! Кобели...

Она, наконец, поднялась и встала перед ним в полный рост, слегка пошатываясь. По пальцам левой руки на землю скатывались багровые струйки, что срывались каплями и сворачивались коричневыми звёздочками в пыли. Она широко улыбалась, но глаза её сделались тёмные.

– Кобели вы все! – сказала она с улыбкой, но жёстким, чужим голосом. – Все вы, мужики. Только на словах в любовь играете, а так... Всё норовите своё получить да что б девочка сама ножки расставила. И с улыбкой всё хотите, с улыбочкой. Так? Я-то... – она, переселив выливающийся гнев, вновь упрятала его, – ...думала, что настоящего мужика-то нашла! Когда тебя, соколика, встретила! Как же! Настоящий...

– Дура, идиотка! – истерическим фальцетном заорал он. – Да нас же подставили! Нас забросили сюда как подсадную утку! Для операции прикрытия – ты понимаешь?!? Им же на нас наплевать! И на тебя, и на ребёнка нашего тоже! На хрена он им...

– Ага, прорвало! – нагло оскалилась она как заправская мегера. И подбоченясь, насколько позволяла боль в плече: – А меня сам герр Крумме проинструктировал – держать тебя на мушке. Тебя, соколика. Чтобы когда ты проявишься, тебя, значит...

– Вот падла!

– Падла... Ещё какая падла! А ты думал! Добреньких на свете нет, – она на мгновение потупила взор, но затем скомандовала, как ни в чём не бывало: – Сунь этого дурака в его

машину и отгони в лес. Живо! Я пока здесь собой займусь. Да, пистолетик свой отфутболь вот туда, – она игриво зыркнула туда, где стояла. – Так оно спокойней будет.

Через пятнадцать минут она, облачённая в промасленный для виду ватник поверх того же платья, туго стянутая по плечу марлевой повязкой, тряслась вместе с ним по кочкам и ухаби-нам в обратном направлении. «Панцеркнаппе» вновь привычно оттягивал его левое запястье. Тогда, на дороге, увидев перед собой мегеру в обличии любимой женщины и будущей матери своего дитя, он чуть было не пошёл на неё с этой «колотушкой». Хотелось поднять левую руку и по башке её, по башке этой железякой стреляющей. Но не дал Бог, отвёл беду. А то б убила. Ей это...

Мотоцикл шёл уверенно, но по душе скребло будто наждаком. Временами он чувствовал себя совсем поганом. Его кобура была пуста. В специальном замшевом чехле на икре правой ноги был, правда, десантный кинжал, но об его использовании и думать не хотелось. Да и Машка о нём знала. Помимо Вальтера» она теперь была вооружена его ТТ. Кроме всего он заметил под чехлом очертания приклада. Скорее всего «родимая» вынула из сундука ППШ. Не доверяет, не доверяет... Внезапно сердце кольнуло. Стало будто окончательно ясно. Она его действительно пожалела! В подкладке окровавленного теперь плаща (скатали и уложили в «сундук Роммеля») у неё наверняка были защиты другие документы. Прикончив его, она обязана была работать по другой «легенде». Идиоты они все, и этот Крумме. Хотя и думал он о нём лучше. На что они рассчитывали, сволочи! Или история с беременностью их придумка? Неужели они так водили его за нос, вместе с ней заодно? Ну, твари...

– Слушай, я тебя не больно? – неловко поинтересовался он, вырливая на опасной уха-бине.

– Не бойсь, кость не задета, – наигранно улыбулась она. – Пожалел, видно.

– А... – глупо протянул он, едва не выпустив из рук руль. Хотел было прибавить, что беспокоится за ребёнка, но сам себе стал противен.

То, что представилось ему впереди дороги, тотчас напрягло. По спине загулял озноб. По обочинам, закрыв собой синеватый ельник, устроились веером два мотоцикла. На сидениях на рулём, позади и в люльках виднелись военные седоки. Один из них с автоматом на груди, в стальном шлеме и с красной повязкой на рукаве заученно махнул красным маленьким флаж-ком на палочке.

– Так... Собрался и что б спокойно, – прошелестела Машка. Она сделала неувимый шрих левой рукой по лицу, которое было припудрено. – Это этапно-заградительная коменда-тура. Проверят документы, и дальше поедем.

– Спокойно так спокойно, – ответил он, газуя.

Под ватником и тонким крепдешином вздрогнули её плечи. Даже не поморщилась... карие глаза смотрели то остро и пронизывающе, то нежно-обволакивающе. Вот змеюка! И «вальтер» у неё, наверное, со снятым предохранителем. Господь Бог мой, Ангел-Хранитель мой, надежда моя и опора – защити и сохрани... Вот такая змея якобы зачала от него дитя. Привязала его этим к себе. Ей всё нипочём, живой он или жмурик. Наверное едет и прогова-ривает про себя: «Жаль тебя, дурака. Красивый ты мужик, но тряпка и размазня. Ведь против

приказа пошла – Абвер теперь мне это припомнит. Если какая осечка будет – вообще в порошок сотрёт. Вот так, жалеешь вас, кобелей, жалеешь, а потом боком выходит. Головой из-за вас...»

– Здравия желаю, товарищ капитан. Попрошу ваши документики, – твёрдо произнёс уса-
тый молодой старшина с ППШ, который просигналил флажком.

С мотоциклов на них смотрели пистолет-пулемёты. Кроме того ПД на турелях. Лица бойцов и командиров казались нарочито серьезными. Хотя и готовыми рассмеяться в любой момент. Этого он и боялся, как пальца на спусковом крючке.

– Да, пожалуйста, – чувствуя взгляд Маши у себя на затылке и озноб по всему телу, он словно бы нехотя сунул руку за отворот пальто. Вытянул из нагрудного кармана кителя коверкотовую книжечку и показал её патрульному.

А перед глазами мелькали точно кадры из плохо склеенной плёнки: он волочит за под-
мышки намокшее кровью тело молодого бойца-водителя, впихивает его в продолговатую
кабину «студебеккера», включает зажигание, снимает с ручника... Тело погибшего при рыв-
ках заваливается на него. Осунувшееся, с заострёнными чертами, бледное мальчишеское лицо.
Остекленевшие глаза кажутся ему самым страшным из того, что он видел. Один раз мёртвое
лицо коснулось его руки. Он рванул руль и повредил правое крыло машины о ствол молодой
сосенки. Выпрыгнув из кабины, он побежал что есть духу назад. Спотыкаясь и падая, он про-
бежал эти двадцать метров. В этот момент ему очень захотелось, чтобы на дороге появилась
ещё какая-нибудь военная машина. И чтобы в ней было много вооружённых бойцов и коман-
диров. Тогда... Его возможно тут же порешила бы эта стерва, якобы носящая в чреве своём
дитя от него. Правда, в наказание за то, что он совершил против страны, где родился и вырос
которая доверила ему защищать себя.

Старшина, изучив все печати и росписи на «легенде», вернул его Грише. (Тот, стараясь
быть как можно спокойней, так же небрежно сунул его за отворот пальто.) Затем повернулся
к сидящему на ближайшем мотоцикле. И как только сапог Гриши коснулся педали «газ», его
оглушил голос:

– Ага, контрразведка СМЕРШ! Центральный фронт! То-то я смотрю, номера знакомые.
Что ж, свои ребята – из одной конторы. Работаем тут. Можно вас кое о чём попросить, товарищ
капитан?

Газовать дальше было дико. Не выключая двигатель, он поднял голову. Из-под козырька
фуражки, что теперь давила лоб (стало отекать от ноши и левое запястье) он бросил как можно
приветливый и беззаботный взгляд на пехотного капитана и лейтенанта артиллерии. Они сидели
на BMW R-75. Один в люльке, а другой – на заднем сидении. Оба приняли его взгляд как долж-
ное. Заулыбались ещё шире. Капитан, широколицый и румяный парень (сразу видно добряк,
но – в рот не клади), потянул из гимнастёрочки точно такую же книжечку, разве что вытертую
на краях. Молниеносно показал её в развороте:

– Ясно, товарищ капитан?

– Ясней некуда. Спасибо огромное. Своих издали видно и слышно, – пошутил он как
можно непринуждённое.

– А надо, чтобы не было и не видно, и не слышно, – сострил в ответ лейтенант с пушком на щеках и над верхней губой.

– Да, служба у нас такая, – шумно выдохнул он и тут же ощутил, что этот невольный обвальный выдох насторожил и заставил замереть всё вокруг.

Маша скрипнула кожаным чехлом и осторожно закашляла. Лица сидящих в мотоциклах приняли совсем уж беззаботное выражение. Это заметно разрядило обстановку. А капитан-пехотинец из СМЕРШа Центрального фронта легко соскочил на землю.

– Не желаете ли пройтись, товарищ капитан? Есть профессиональный разговор тет на тет.

Сказал он это будто нарочно, чтобы успокоить подчинённых. Все как будто совершенно расслабились, забыв о дурацком Машкином чёхе. Газовать сейчас было ещё глупей. В миг изрешетят из своих «папаш» с семьюдесятью выстрелами в каждом диске, да ещё напоследок из «дегтярей»... Ничего не спасёт. Никакая скорость. Никакой манёвр. Придётся положиться на Господа Бога да на всевидящее око Абвера.

Оставив за собой сияющую, как масленый блин, Машку, он углубился с капитаном в сосновый бор. Мягко переливалась в лучах солнца трава. Кроны деревьев шелестели, будто кто-то незримый перебирал их как струны, наигрывая затаённый мотив.

– Долго ещё идти, капитан? – мягко, но требовательно поинтересовался он, чувствуя нарастающее напряжение. Расставив ноги в сапогах и заложив руки за спину он встал прямо напротив смершевца. – Ей Богу, как девку на выданье выгуливаешь.

– Да нет, дружище. А впрочем... – он внезапно протянул свою широкую ладонь с оттопыренными пальцами: – Можно представиться? Владимир!

– Можно просто Григорий, – Алексей приятно оживился, но сохраняя предельное внимание, протянул в ответе свою руку.

Рукопожатие всё понемногу расставило на свои места. (Рука у капитана Владимира оказалась удивительно крепкая и шершавая.) Капитану Владимиру, что согласно документам был «заместитель начальника отдела» и полностью прозывался Владимиром Иосифовичем Овсянниковым (не родственник «отца народов»?) было нужно вот что. Согласно утренней оперативной сводке в пятидесяти двух километрах по прямой был обнаружен германский транспортник «Кондор». Из четырёх двигателей у него в нерабочем состоянии были два по причине погнутости лопостей винтов. Скорее всего, клюнул носом при посадке фриц. Никого возле самолёта задержать не удалось. Все документы, полётные карты были изъяты, часы с доски приборов сняты, а сама приборная доска разбита. Транспортный отсек обнаружен в открытом состоянии. От него в направлении просёлочной дороги вели следы мотоцикла. Какой именно марки – пока установить наверняка не удалось. Скорее всего, «цундапп»... Кроме всего, на поляне, где была совершена посадка, обнаружены остатки пепелища четырёх костров, что наверняка служили сигнальными маячками. Короче, чтобы не доставать и не тратить время понапрасну, видел ли, товарищ капитан... я извиняюсь, дружище, дорогой чего-нибудь подозрительное? Или кого-нибудь? Людей в военном или гражданском? Пешком или на транспорте? Нет?... А по ходу следования выходил ли кто-нибудь из лесу? Голосовал, что б взяли?

– Друг, я здесь при исполнении особого задания штаба контрразведки Центрального фронта, – с чувством ответственности, какое только имелось у него в распоряжении, заметил Алексей. – Рад бы, но... ей-ей, ни с какого боку! Ферштейн, понимаешь? Оно, конечно, мы по сторонам поглядываем. Но никого и ничего, как говорится. Поди все уже попрятались в леса. Ищи их там. Или пристроились к какому-нибудь обозу или автоколонне. Кто ж будет в одиночку двигаться, привлекать к себе внимание? Там тоже проффи, ещё какие...

– Да, точно там проффи, – печально сник Владимир, став похожим на обиженного мальчика.

– Так это... с супругой едете? – он, мгновенно переменившись в лице, вытащил из кармана гимнастёрки с чёрно-оранжевой «гергиевской» нашивкой за ранение массивный портсигар из оргстекла. Предложил одну «пушку» Алексею, когда тот вежливо отказался, вложил её снова на место: – Да, женщина красивая. Завидую тебе по-хорошему. Работаете вместе?

– Да как сказать, – чувствуя подвох, «Гриша» внутренне подобрался, – Чтобы не выдать военную тайну, взял с собой. На сносях она у меня. Везу в Смоленск, в окружной госпиталь. Пусть отлежится, пока я в разъездах буду.

– Правильно! – вновь заулыбался Владимир, что снова открыл портсигар и на этот раз прикурил от трофейной зажигалки «зиппо». – Вот это заботливый супруг, я понимаю! Не то что... – он полез в другой карман и извлёк оттуда, завернутую в чистый платок с цветастой вышивкой фотокарточку три на четыре, с которой смотрело миловидное женское лицо, обрамлённое светлыми локонами: – Моя Иринка! От-т-т такая женщина, когда любит и не злится. А так как танк. Лучше не подставляйся.

– Понимаю, – весело (насколько это возможно) потрянул головой Алексей, изобразив зауценную улыбку. – Друг, ну, при всём уважении... мне давно уже пора. Держим путь на запад! – он игриво потрянул вновь, так, что фуражка едва не наехала козырьком на глаза.

– Да, дан приказ ему на запад... Ты это, если что – заглядывай. Когда поедешь обратно или вообще будешь в наших краях. Меня в комендатуре можно спросить, если что. У помощника военного коменданта, майора Лисицина... – тут он назвал с десяток фамилий и отчеств, приплюсовав ещё военврачиху 3-го ранга в окружном госпитале, которой следовало обратиться насчёт Машкиной беременности. – Если что надо, обязательно поможем.

– Ладно, ладно... – успокоено пробурчал Алексей, поворачиваясь в обратный путь. – Извини, капитан, нам торопиться надо. Начальство, сам понимаешь, требует. Если что, такого пендала вставит...

Чёрт, подумалось ему, а если он, этот Владимир, агент Абвера? Если всё это, как и «рыжий» (он же «Цвигун») продуманно заранее? Если это тоже – контроль, проверка? Что если он должен мне что-то передать «по линии», а я в свою очередь – передать ему? А эта информация должна стать решающей в моих дальнейших действиях по уходу из игры или всё-таки в предстоящей операции? Что если...

Он не узнал прежний голос, которым говорил Владимир Овсянников. Это был новый, жёсткий и требовательный голос. Ещё не обернувшись, он уловил знакомый «крак-к-к»

и понял запоздало: зря подставил спину. Зря так глупо успокоился. Зря так глупо успокоился, поддавшись столь дурацкому заискиванию.

Когда он повернулся в пол оборота, на него уставился тонкий ствол «Люгера». Глаза Овсянникова, большие и карие, смотрели насмешливо, с запятанным в глубину презрением. На губах играла небрежная усмешка.

– Что ж ты, диверсант гитлеровский... профи хренов, такую липовую медальку позволил на себя одеть? Вместо золотой эмали – серебро?.. Мелочь, а в глаза бросается. Руки взять на затылок! Шагом!

– Что за чушь мелите товарищ... – начал, было, Алексей, в котором вновь чувствительно заворочался «Гриша». Но тут же замолк. Ком в горле снова перехватил его речь и даже закупорил дыхание. Он провален. Его провалил «Центр». Во-первых, эта дурацкая высадка, во-вторых, этот «Кондор» с его восемью каучуковыми шасси, считавшимися сверхнадёжными. Всё было не так. Всё было против него изначально. Против них.

– Ты, это самое... – Алексей-Гриша спиной чуял, как потрясён Овсянников: рукав на левой руке собрался комом, – У меня там новое оружие Абвера. Называется ручной противотанковый гранатомёт – панцеркнаппе значит по-ихнему...

– Я тебе щас такой панцеркнаппе!.. Ну-ка никаких немецких слов! – гаркнул было Овсянников, но тут же зашипел: – И смотри мне, гад, чтобы этой твоей... никаких знаков не подавал. Дёрнется ещё, а ребята вмиг её уделают.

– Ладно, ясно, – он хотел было сказать «она у меня баба смирная, работающая», но вовремя прикусил язык.

Перед глазами вновь возникло лицо парня-водителя...

– Только это... Тут километрах в тридцати отсюда тайник. Там у меня был контакт с другим агентом. Один он или нет, не знаю. Но амуниция у него наспех одета. Так что, или после высадки, или...

– Ладно, разговорился. Там куда веду, будут спрашивать. Советую отвечать всё, как на духу. Понял? Чистосердечное признание смягчает участь. Ты это... Подходим. Руки плавно опусти. Вот так... Смотри, держу тебя на мушке. Трогай...

Глава вторая. Страда богов

...Значит, товарища Сталина хотят убить. В который раз... – Сталин, попыхивая трубочкой, мягко прошёлся по зелёному ковру, под которым скрылся навощённый паркет. – А если товарища Сталина хотят убить, то значит, моя голова кем-то ценится. Не совсем пустая, наверное, – глядя в упор на Власика и Берия, он спросил сквозь дым: – Что, всего двое?

Берия усмехнулся, бросив едва заметный взгляд на приземистого широколицего генерала, стоящего навтыжку подле него. На каменном лице последнего не пробежала даже тень улыбки.

– Товарищ Сталин, это всего лишь ядро группы. Боевой или активный состав. Известно, что после высадки на «мёртвом месте» их ждал связной. То есть ещё один человек – в группе обеспечения. Кроме всего им где-то надо было остановиться в Москве. Значит, как минимум, в группе прикрытия три активных агента, не считая хозяина «ящика». Или хозяйки...

– Оставь хозяек в покое, Лаврентий. Итак, вся Москва слухами полнится. Боятся тебя...

– Вот, видимо, оттуда у слухов и ноги растут.

– Согласен. Есть смысл, – Сталин, поведив жёлтыми зрачками, снова воззрился на черенок своей трубки. – Слухи опасная вещь. Тоже оружие, товарищи. Ещё какое... Недаром великий русский писатель Николай Гоголь написал про «заплатанной». Если помните, в «Мёртвых душах». Как приклеится какая кличка, какой слух к человеку, как пойдёт гулять среди народа... Недаром про товарища Сталина был пущен слух, что он злодейски убил товарища Кирова. Недаром... Но война всё расставила на свои места. Ничего, как она кончится, всем воздадим по заслугам.

Он, переживая сказанное внутри, неспеша, нарочно замедляя шаги, прошёлся по ковру. В своей новой маршальской форме, с золотыми галунами и широкими погонами, он, несмотря на свой маленький рост, выглядел поистине гигантским. Звезда Героя соцтруда сиротливо виднелась на левой груди.

– Ну, и что говорят на допросах двое диверсантов? Как планировали они убить товарища Сталина. Авторучкой с одним выстрелом?

Берия, едва не задев плечом массивного Власика, словно крадучись подошёл к столу. Вынул из папки кипу фотографий. Разложил их по синему сукну. На Сталина глянули хорошо отпечатанные, свежие снимки. На одном на поляне, в лучах солнца во всех видах был запечатлен транспортник с готическими чёрно-белыми крестами, с четырьмя лопастями по оба крыла. Некоторые из них были деформированы. Другая группа снимков запечатлела мотоцикл явно немецкого образца, но с четырёхзначными номерами Центрального фронта. (Сталин трижды побывал на фронте, первый раз осенью 1941-го под Смоленском, второй раз в 1942-м в освобождённом и разрушенном Ржеве, третий раз на руинах Сталинграда в 1943-м.) На широко расстеленной в стеблях травы плащ-палатке были разложены такие аксессуары как рация «Телефункен», что отличалась от наших продолговатым и вытянутым корпусом, ППШ с дисками пистолет «Вальтер ПП», пистолет ТТ, деньги, документы. Следующая группа фотографий удивляла, если не сказать больше. На ней одиноко лежала странное массивное

утолщение на кожаной подкладке с ремешками, а также сумочка из брезента с замшевыми или кожаными вставками. Рядом с ней рядком, с интервалом лежали пузатые пульты, похожие на снарядики.

– На последнем снимке, товарищ нарком, то, чем эти авантюристы намерены были меня убить?

Сталин уже видел подобные снимки. Их час назад принёс ему на доклад начальник ГУКР СМЕРШ Абакумов, чьи сотрудники и взяли диверсантов. Сталин, зная о неприязненных отношениях Берия и Абакумова, старался не сводить их вместе. Но информация одного и другого ведомства местами разнилась, что было, несомненно, интересно и позволяло составить наиболее целостную картину. Кроме того смершевы вели следствие по делу. Протокол первого допроса Сталин также читал. Из него выходило, что у диверсантов был кто-то на связи в Москве. Причём в ближнем круге, если не при 1-м управлении НКВД. На него они и рассчитывали. Этот кто-то должен был сообщить графики движения правительственных эскортов и многое другое. «Пел» на допросе, причём с момента ареста, лишь мужчина-диверсант. Второй, женщина, отказалась давать показания. В резкой и категорической форме. Судя по всему, она ничего не боялась и ни в чём не раскаивалась.

– Да, товарищ Сталин. Это, конечно, глупо, но Канарис именно на такое оружие рассчитывал. Способное пробить 20-мм броню, зажечь двигатель бронированной машины. Они рассчитывали, что им дадут произвести выстрел по эскорту, что будут данные, в какой из машин... извините, товарищ Сталин, будет «тело»...

– Устройство стреляет кумулятивными патронами... – начал было Власик, но тут же затих.

– Да, они наверняка рассчитывали, – весело метнул искры из глаз Сталин, – что товарищ Сталин выбежит вон из авто при виде руки с этим... Как угорелый бес сорвётся с места и, обгоняя сотрудников охраны, побежит по Москве. Оглашая её криками паникёра. «Товарища Сталина убивают. Помогите!»

– Не могу поручиться, что так всё у них было оговорено, но... Тогда эта кампания хотела бы вас не убить, а только напугать.

– А что если так и было? – Сталин звучно стукнул люлькой трубки по хрустальному пепельнице. – Нельзя исключать такую возможность.

– Разрешите, товарищ Сталин? – Власик подался вперёд, едва не опрокинув Берия. – Практически всё безграмотно организовано. Практически... Стоять на улице по ходу следования, в мешковатой и длинной верхней одежде. Если солнце на небе и погода ясная, это тут же привлекает внимание моих ахархаров. Какие б документы ему не отпечатали... А после выстрела... я извиняюсь, конечно... куда б он делся? Ерунда какая-то, бабам насмех. Ей Богу, профессионализма у них поубавилось, в Абвере этом. Аккурат после того, как им под Сталинградом башку продуло. Да и, я извиняюсь, как определить, в каком из авто вы, товарищ Сталин, поедете? Это надо иметь своего человека на объектах, что б видел и тут же просигналил в «ящик». А если вы дорогой переседаете, а если... Короче говоря, правы вы, товарищ Сталин. Дымоиспускание это, а не диверсия. Подставился противник, а смысла никакого полезного нету.

– Во-первых, нет, – нахмурился Сталин, – как правильно говорят русские, товарищ Власик. Это, во-первых. Надо быть примером для своих подчинённых и лицом, и одеждой и речью. Культура речи сейчас не та, что до революции. Ниже стала культура в целом, хотя верные нам специалисты из числа старых стараются её укреплять. Сколько их пересажал этот мерзавец Ягода с Ежовым. Последний много расстрелял, но мы всё же многих смогли уберечь. Так вот, зря вы так согласны со мной. Я недаром задался вопросом, на что они рассчитывали. И назвал их авантюристами. На серьёзное дело авантюристов не пошлют. Когда грабили Тифлисский банк до революции, чему я был свидетель, там тоже не авантюристы были. Камо, хоть и любил ходить на волос от смерти, но всё продумывал, всё просчитывал. Только раз в жизни сорвался – когда под грузовик угодил. Тоже думают на товарища Сталина. Только стиль с Бухаринским схож. Когда товарища Кирова убили, там тоже грузовик был, если помните. Бухарин с Ягодой, а там и Зиновьев с Радеком... Весь фашистский блок, что привёл Гитлера. И товарища Кирова тоже убили в одиночку, хотя охрана состояла из восьми чекистов незадолго. Но охрану сократили, нам известно – по приказу Ягоды. И Николаев, этот щупленький выродок не постеснялся до этого обращаться в германское консульство. А затем не испугался стрелять в одиночку. Думал, сойдёт с рук, успеет скрыться? Думаю, да. Слишком хорошо был прикрыт с тыла и с флангов. Думаю, даже не помышлял он, что не хватятся его. Если б не рабочий, что оказался поблизости и метнул в него молоток, ушёл бы этот Николаев от советского правосудия. Так плохо у нас тогда было поставлено с охраной.

Он закашлял от попавшей табачной крошки, а затем, сосредоточенно подышав, спросил:

– А сейчас хорошо? Сейчас у нас хорошо с охраной, товарищ Власик?

Власик, став белым, шумно всхлипнул:

– Товарищ Сталин! Если какие-то грехи имеем, сейчас же побежим устранять. Всё устраним. Сам я думаю, что определённый просчёт в разгадывании замыслов врага налицо. Не учли мы до конца, то есть я, в первую... самую... что враг может иметь глубоко законспирированную агентуру в ближнем окружении. Успокоились. Всё потому, что излишняя подозрительно, сами знаете... Травмируется коллектив, несрабатывается. Кроме того, все многократно проверены и проверки не прекращаются. Вот и товарищ Берия подтвердит. Нередко устраивает нам такие выволочки...

Берия осторожно скосил лицо, чтобы не расхохотаться. Недавно наружники, которые в целях перекрёстной проверки водили лично Власика (тем же занималось специальное подразделение 1-го управления в отношении Берия) засекли того на загородном пикнике с женщинами. После шашлыков с красной и чёрной икрой, да портвейна, они, скинув купальники, стали бросаться в пруд, в чём мать родила. Власик ринулся за ними в семейных трусах. Всё это происходило в Серебряном бору. Было сделано много фотографий, что запечатлели последующие развлечения в кустах. Кроме того прослушка зафиксировала с трёхсот метров разговоры захмелевшего генерала, где он трепался о маршруте и охране вождя. Якобы на дорогу как-то выскочила баба с поленом, после чего машины охраны разошлись ввером, а передние, прикрыв собой бронированный «паккард»... Естественно, Власик во всех подробностях описал своих спутникам, каковы толщиной были дверцы и стёкла машины вождя.

– Это хорошо, что вы друг-друга проверяете, – вздохнул Сталин. – Только учтите, что враг не дремлет и враг рядом. Совсем рядом. Ходит по одним коридорам, дышит одним воз-

духом. Все мы у него на прицеле. То, что убьют товарища Сталина, не беда. То, что убьют имя Сталина, – Сталин посуровел и с минуту посерел лицом, что стало как пергамент, – это будет беда. Как начало войны.

– Уж лучше б Будённый усы свои сбрил... – сострил Берия, пытаясь разрядить обстановку.

Сталин погрозил ему пальцем:

– Вечно наш Лаврентий вставит... Хотя, молодец. За шутку хвалю. Вот и займись с товарищем Власиком этим вражеским агентом. Один он или двое, рядом с нами. Выясни его сущность и связи. Сидит он давно. Скорее, это Авель, – Сталин презрительно сощурился, вспомнив Енукидзе с его развратными похождениями, – его к нам внедрил. Этот патаскун... Но мы вычислили да ни всех. Ничего, всех вычислим. Джура здесь?

– Так точно, товарищ Сталин, – отрапортовал Власик. – Полковник Джура прибыл со мной. Ожидает вас в приёмной.

– Оба свободны. Жду результатов и с обоими на связи, – Сталин кивнул им обоим, показывая, что не вполне доволен работой. – Пускай войдёт.

Джура был командиром особого подразделения в структуре 1-го управления, что называлось группой активных мероприятий. Ей было поручено проводить диверсии в отношении глав враждебных государств, а также сотрудников аналогичных спецподразделений. Кроме этого, Джура разрабатывал, собирая соответствующую информацию об этих службах, контрдиверсионные мероприятия. Именно благодаря ему и его людям удалось избежать двух покушений на Сталина зимой 1941-го, когда враг стоял у ворот Москвы, а в Серебряный бор проникла группа полка «Бранденбург». Невысокий, ладно скроенный, похожий на цыгана, в отлично сшитой форме с серебряно-синими погонами, он производил впечатление парадное, а не будничное. Грудь украшал орден Красной звезды.

Первое, что сделал Джура, так это – показал уже известные Сталину фотографии. Но были и другие. На них сотрудники ГАМ, внедрённые в органы СМЕРШ Центрального и Воронежского фронтов (в том числе, в контрразведку истребительных авиаполков) запечатлели странный объект. С виду он напоминал детскую юлу. Сверкающий корпус был покрыт какими-то точками и продолговатыми оконцами. На закруглённой крыше угадывалась овальная антенна. В днище были сокрыты ниши. Вероятно, для устройств, что позволяли садиться.

– Что ж, у него там шасси спрятаны? – промедлив, изучая реакцию полковника, спросил Сталин.

– Своего рода, товарищ Сталин. Есть другой снимок, – Джура выложил фотографию, где тот же объект стоял на плоском бетонном покрытии. На его бортах ясно просматривались чёрно-белые мальтийские кресты. Из днища виднелись, упёртые в бетон, металлические лапы. На его фоне стояла группа офицеров вермахта и СС. – Это их кратковременное пребывание в Пенемюнде. Но с началом активных действий под Курском база, по нашим данным, переместилась на юг. Где-то в Крыму.

– Пока нет точных данных?

– Товарищ Сталин, берегут как зеницу ока. Да и мы не хотим раскрывать своего сотрудника. И так близко подобрался.

– Ваш сотрудник... – Сталин с затаённым восхищением задержал дыхание.

– Он не совсем наш. Но на момент начала операции прикрытия от ГУКР СМЕРШ, поступил в наше распоряжение. Операция пошла не совсем по сценарию. Его непосредственное начальство предполагало, что на него поведётся представитель СД. Но повёлся как раз-таки наш клиент. Кроме того, те снимки, которые вы прежде изучили, поступили к нам с Центрального фронта. Они сделаны вчера, в ходе битвы за Прохоровку. Свидетелем, кстати, оказался один офицер, командир батальона самоходной артиллерии. Не побоялся, молодец, вовремя доложил. Мои ребята тоже вовремя скоординировались.

– Данные на этого офицера и вашего... то есть, теперь уже вашего сотрудника приготовьте немедленно, – мягко оборвал его Сталин. – Вплоть до малейших деталей. За сотрудником... как его по батюшке?

– Василий Иванович. Цвигун, его фамилия. Этой зимой, в феврале, окончил специальные курсы под Воронежем. Присвоено звание...

– Понятно, товарищ Джура. Хороших сотрудников растите, хвалю. Храните его там как зеницу ока. Считаете, это мой приказ. Это золотые кадры. Их беречь нужно.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Сталин прошёлся по ковру. Словно изучая реакцию собеседника на свой вид, смахнул невидимую пылинку с красных лампас. Затем, неловко повернув голову с седеющими рыжеватыми усами, с иронией бросил взгляд на широкий золотой погон с маршалскими звёздами.

– Ну, и вырядили меня. Как павлин, извините, товарищ Джура. Не находите?

– Не нахожу, товарищ Сталин. По-моему, вполне сносно.

– Зря не находите, – Сталин, взяв лист вощёной бумаги из папки, что-то черкнул по нему синим, отточенным карандашом. Затем, положив его с краю стола, как бы нехотя повернулся и сказал: – Будьте добры, посмотрите ближе – как там шов на спине, не расходится?

Джура, затаив дыхание, так, чтобы не скрипнули сапоги, сделал несколько шагов вперёд. На синем сукне, что покрывало стол, он увидел записку следующего содержания: «Проверьте Измайлову. Вдоль и поперёк. Жду».

– Нет, товарищ Сталин. По-моему, всё в порядке, – сказал полковник, немного отступив от небольшой фигуры вождя в ослепительно-белом кителе. – Но я бы на вашем месте поработал с портным. Немного не приталено. Чувствуется, нет женской руки.

– Вы это точно? – Сталин, развернувшись в пол оборота, сощурил глаз.

– Точнее быть не может. Там где женщина приложила руку, жди счастья. Если специалист, конечно, хороший. Но проверить специалиста не мешает.

Сталин, затаив дыхание, изучил небольшую, крепкую фигуру полковника.

– Вот и я такого же мнения, товарищ Джура. Будем изучать вместе. Вы свободы...

Глава третья. Самая короткая жизнь

Руку Виктора перехватили, прежде чем он сумел нажать на пуск ракетницы.

– Дя-я-я-денька... – только смог выдавить из себя Сашка.

Потрясённый, он только молчал.

– Спокойно, спокойно, товарищ капитан! – твёрдо произнес чей-то голос под ухом. – Не надо дёргаться. Свои. Как говорится, лучше поздно, чем...

Виктор, наконец, смог повернуть одеревеневшую шею. За спиной высился рослый парень с загоревшим лицом. Под зелёным шлемом весело искрились серые, повзрослевшие рано глаза. Это как раз не потрясало. Однако всё остальное... Облечён он был в маскировочный комбинезон, поверх которого, скреплённые меж собой ремешками, виднелись округлые стальные пластины. Что-то вроде кирасы, каковую носили кирасиры времён Бородинской битвы. Точно также были обмундированы трое бойцов. Они медленно, соблюдая все меры предосторожности, сползли за ним в воронку. У всех, включая командира (это ощущалось без знаков различия) были невиданными пистолет-пулемётами с рожковыми магазинами. За ними ползла, низко пригнув голову и сложив уши, немецкая овчарка тёмной масти. На спине у неё виселось странное седло с закреплённым брезентовым чехлом. Собака-подрывник? В 1941-м таких применяли без особого успеха под Москвой и на других участках фронта. Натасканная поводом на получение еды, она заползала под днище танка или автомобиля и, жертвуя собой, взрывала его.

– Так, говоришь, не психованный, парень? – старший странной команды потрепав Сашкины вихры, наконец, соизволил представиться: – Старший лейтенант Неустроев.

– С вами психами станешь, – начал, было, Виктор, которому хотелось затеять перебранку. – Столько времени ждать, а теперь – на тебе! Заявились, вашу... – вспомнив женщину с иконой и суровые лики святых, он вынужденно замолчал: – Видели, что делается? Ребят выручать надо.

В глазах Неустроева светилась такая уверенность, что говорить больше не хотелось. Тем более что, дождавшись всех своих подчинённых, он неожиданно сказал:

– Тебе тут один человек привет передал. Привет отдельно. Отдельно – не пороть горячку. Слушать и делать, что мы решим. Расстановка сил понятна?

– Понятно, – Виктор в точности, как Сашка, пролепетал одними губами.

– Всё! Значит действуй. Только так – ракетницу мне живо. А то... Знаю я вас – героев очаковских и поколенья Крыма.

Оказалось, дождался он не всех. Вслед за собакой через бровку воронки перекатился щупленький на вид малый в точно таких же латах, но со снайперской винтовкой. Он тут же, подмигнув Виктору (последнему это пришлось как нельзя кстати), вынул из винтовки затвор.

Тщательно продул затворную раму, вытер её ветошью. Только после этого изрёк почище Цицерона с Сократом:

– Ну что, действуем, товарищи? Обстановку я срисовал такую...

...Заслышав сигнал с улицы, Васька соскочил с кровати. Пройдясь босиком до окна, он отогнул краешек занавески. На улице, сверкая лаком, стоял иссиня-чёрный «майбах» под номером WH 44—26. Невдалеке, как всегда прогуливались двое неприметных типов. Скрёб метлой новый дворник в фартуке со старинной бляхой, что, на этот раз, держался ближе к воротам. Васька отошёл за стену. Затем пошевелил занавеской, давая понять (как условились заранее), что он скоро выйдет. Затем пробежался босиком к платяному шкафу. Извлёк оттуда с металлических раскладных плечиков мундир майора вермахта с сиреневыми «катушками» интенданта. Уже облачившись в тесные хромовые, с высоким голенищем сапоги и повязав ремень с «вальтером» (без обоймы), он неприязненно вспомнил о главном. На тумбочке возле кровати с сияющими шариками над изголовьем лежала скомканная повязка из замши. Он одел её через левый глаз. Бросил не себя насмешливый взгляд в зеркало. Ни дать ни взять – «дас ист фантастишь, герр офицер!». Вид был что надо – свои перепугаются. Не хватало только Железного креста, хотя бы второй степени. Или знака «За танковый бой» на левой груди. А повязка здорово изменяла внешность, почти до неузнаваемости. Лучше всякого грима и усов.

С такими радужными мыслями он нахлобучил фуражку и вышел. Дом был четырёхэтажный, с лепными потолками. До революции наверняка принадлежал какому-нибудь купчине.

– Герр майор прикажет сначала в казино? – учтиво осведомился кадыкастый молодой ефрейтор-водитель, на этот раз новый.

– Нет, сразу на объект, – сказал Цвигун, стараясь смягчить акцент. Этого можно было не делать, так как шофёра наверняка (как и прежнего) предупредили: чин из восточного батальона, плохо владеет германским.

Машина плавно тронулась с места, проехала тех двух и дворника, что стремительно отставил метлу и махнул шляпой. Неприметные типы разом отвернулись, что б ни попасть в облако пыли и газов.

Через час с небольшим он уже прогуливался с Фоммелем по лесной дорожке, посыпанной в лучших традициях фатерлянда речной галькой. В ярких лучах золотисто-оранжевого солнца, с ветки на ветку сновали пичуги, кое-где в тени сверкали на листьях и траве капли росы. Невдалеке плескалась речка – там было оборудовано пулемётное гнездо. Вообще этот лес был напшигован постами и патрулями, что неслышно перемещались в своих длиннополых плащ-накидках с камуфляжными разводами. Вырастали как из-под земли, плотным кольцом смыкаясь вокруг людей. Цвигун (согласно документам, майор 30-го Восточного батальона Верховенский Павел Георгиевич) после долгих размышлений руководства СД, был утверждён в должности консультанта при подготовке группы.

За высоким забором из колючей проволоки с сигнализацией, что вырос перед ними, расстилалась широкая, почти правильной формы поляна. Над ней колыхалась маскировочная сетка, что была укреплена на крышах караульных вышек четыре метра в высоту. На поляне был

расположен сборный домик для прибывших инструкторов и преподавателей, а также специальный ангар. В центре поля располагались полоса препятствий со щитами и канавами, а также натянутой низко колючей проволокой, набитые соломой чучела из эрзац-кожи, на которых отрабатывались приёмы рукопашного боя, щит для метания ножей. Кроме того высился огромный щит-пулеуловитель для разрядки оружия, который в случае необходимости можно было использовать для стрельбы. С воздуха такой объект можно было рассмотреть только на бреющем полёте, и то, если задержать глаз.

На объекте упражнялась группа курсантов численностью до отделения. Они вяло ползали под натянутой проволокой, а так же, как следует не размявшись, отрабатывали бросок через плечо, блоки и удары по точкам. Время от времени преподаватели (квадратный немец в пилотке, в одной майке с молниями в круге, а также русский, что был облачён в синее трико МГУ) неожиданно нападали на зазевавшихся курсантов, нанося им боксёрские удары (это делал русский), или забирая в удушающий захват. Скоро немцу это надоело. Он скомандовал всем построиться, а затем разбиться на пары. Первые номера взяли вторых за ноги. Вторые стали на скорость отжиматься. Айн, цвай, драй... Затем всё изменилось. После этого немец, по совету русского, приказал повернуться спинами друг к другу. Плотнот прижавшись таким образом, курсанты сплелись руками. Стали на скорость приседать. Айн, цвай, драй... Затем немец, решив, что достаточно послушался советов русского, приказал всем вновь построиться. Он стал выполнять комплекс упражнений на координацию. Ничего хитрого в них не было (немец, словно пританцовывая, совершал движения руками, ногами, а также корпусом), но надо было успевать повторить за ним. Тех, кто нарушал этот порядок, русский отсортировывал в отдельную группу. Вскоре в ней насчитывалось до половины курсантов.

– А серьёзный у вас спец, этот Вася, – усмехнулся Цвигун, намекая на русского. – Ганц на предмет того жучка будет.

– Что есть Жучка? – утомлённо поднял светлые брови герр Фоммель. – Что такой Вася я уже знает.

– Да не берите в голову. Хотел сказать, что отбор поставлен грамотно. Группа должна в поле сработаться. А негодный материал надо отсеивать.

– О, вы рассуждайте как немец! Браво-браво... Интернационал разве не учит равенству и братству?

– От каждого по способностям, каждому по труду, герр хороший.

– О, понимайте-понимайте. Вы хотите скажите, что каждому из них можно найти применение? Не так ли?

– Ну, во-первых, «применений» можно даже барану найти, если постараться. Во-вторых, бросьте говорить, по-русски, будто вчера родились.

– О, Русс Иванович! Вы видите, я тоже умею хорошо шутить.

Услышав звуки клаксона, они обернулись в сторону ворот, оплётённых проволокой. Солдат в шлеме открыл их. Въехал «кюбельваген» с открытым верхом. На заднем сидении угады-

валась голова в знакомой пилотке с красным кантом. Карие глаза на остром лице пробежались по всем маломальским значимым предметам.

– Мой сюрприз, кажется, сработал, – усмехнулся Фоммель. – Сейчас убедитесь, герр майор.

– Заранее благодарю, – с искренним уважением заметил Васька. – Этот тип как раз здесь не лишним будет.

Ставински, легко выпорхнув из синевато-зелёного гофрированного корпуса, заметил сразу же Фоммеля. Отдал честь ему и Ваське, приложив к орлу на пилотке два пальца:

– Герр оберштурбанфюрер! Рад вас приветствовать. Пока курсанты разминаются, представьте мне герр майора.

Он, очевидно не признав Ваську, выжидающе ждал.

– О, с великим удовольствием. Правнук князя фон Бисмарка-Шенхаузена, наследник болгарской короны и претендент на румынский престол Корнелиус Парацельс.

– В переводе на русский – Ванька-встанька, – подытожил Цвигун.

Ставинский обалдело посмотрел ему в единственный глаз. Затем затрясся, давя тихий смех.

– Замечательно, герр майор. Эта шутка просто блеск! Вы отлично подняли мне настроение.

– Я иначе не могу, герр Ставински.

Они стали неспеша прохаживаться вдоль упражняющихся курсантов. Дошли до группы «отсева». Вскоре квадратный немец издал трель свистком, что висел у него на груди. Курсанты моментально бросили свои упражнения и выровнялись.

– Ви будет смотреть, что есть я делаит. Альзо, верштейн? Смотреть...

Он поманил к себе пятёрку «отсеянных». Те, неловко ступая, подошли. Было очевидно, что готовится отработка новых приёмов. Вскоре по его команде они выстроились полукругом.

– Можно я, герр инструктор? – поднял руку здоровенный рыжий курсант, что стоял среди других «отсеянных».

– Семельченко, оставить! – налился краской русский инструктор. – Живо, кому говорят!

– О, ти тоже хотеть? Тогда можно встать, – на квадратной красной ряжке немца выступила улыбка. – Итак, ахтунг! Только вниманий...

Он, как бы раздумывая, стащил свисток на цепочке и, покрутив его в руке, кинул в сторону одного из стоявших перед ним. Тот решил поймать, но тут же рухнул, сбитый ударом

ноги. Немец, изгибаясь и ныряя всем корпусом, бросился на остальных. Он проскальзывал между ними. Делал неловкие движения руками, хватая их за ноги и плечи. Все они валились с ног. Один рыжий Семельченко не оплошал. Схватил, видя такое бесстыдство, горсть земли и плеснул немцу в лицо. Тот, изрыгая всякие «шайзе» и «фердамт», стал выделять руками и ногами совсем невообразимое. Словно крылья мельницы закружились. С зажмуренным, яростно оскаленным лицом, он, то стоя, то в полуприседе, закружил на одной ноге. Другую он выбрасывал вперёд. Руки при этом отталкивались от предплечий. Как будто он плыл. Но Семельченко и тут не оплошал. Рухнув на землю и подобравшись с перекатом, он поймал немца за подошву ботинка. Крутанул против оси. Заматерившись уже по русский, немец завалялся на землю.

Курсанты заржали. Кое-кто зааплодировал с вышек за пулемётами.

– Рты прикрыли! – гаркнул русский инструктор, тем не менее, одобрительно скосив глаз на Семельченко. – Помогите герр Шульц встать.

Но герр Шульц сам себе помог. Сбив ударом ладони одного из помощников на землю, он размашисто бросился к домику. Видимо позор был настолько велик, что не хотелось признавать.

– Гоношистый больно ваш Шульц, – бросил Васька неодобрительно.

– Да, это есть, – вынужденно согласился Фоммель. – Но это полезный профессионал. Он немного жить Азия. Учить много приёмов. Вы видите, как он мог положить сразу пять человек.

Все обступили здорового Семельченко. Тот, щуря конопатую физиономию, старался выглядеть как можно скромней.

– Ну вот, а ваши его отбраковали, – усмехнулся Васька.

– Что поделает, наш недоработка, – похоже усмехнулся Фоммель. – Хотеть с ним поработать?

– Хотеть, хотеть... Можно нас обоих переместить в этот ангар? Что б никого из посторонних и всё такое.

– Ну, конечно, герр майор. Я всё сделаю, – снова оживил свой русский Фоммель. Он подозвал роттенфюрера, что был старшим караула и отдал ему распоряжение.

– Вы уже начинаете работать с кандидатурами, – одобрительно заметил Ставински. – Это отлично. Но наш потенциал гораздо богаче. Абвер более старая организация, чем СД и СС. Тем более что часть этих людей – наши кадры. Но, если вы познакомитесь поближе с нашим стилем, уверяю вас – выбор будет богат.

– Вообще-то я на это не рассчитывал, – улыбнулся Васька. – Думал, что кандидатуры будете отбирать исключительно вы и ваше руководство. А меня чуть ли не на ручках носят и всё показывают. Интересно... Похоже на западную, вы не находите?

– Не нахожу, – возник справа Фоммель. – Вы напрасно утомляете себя подозрениями, Русс Иванович. Они совершенно беспочвенны. Какая западня? Мы предоставили вам возможность отобрать кандидатов в группу. Во-первых, мы можем согласиться, а можем, нет. Во-вторых, вы бы точно также поступили на нашем месте. Каков купец, таков товар. Так говорят русские?

– Так говорят русские. Но я сомневаюсь, что смысл тот же. Я не купец. Я предложил, а вы распорядились. Это не мои кадры, – Васька обвёл единственным глазом курсантов, которых вновь стали гонять по полигону.

– Идеи порой важнее кадров. Вы не находите? У нас масса идей, но нет твёрдой почвы. Вы гарантируете, что ваш план пройдёт. Мы принимаем ваши гарантии. Вдобавок мы укрепляем ваш план вашим выбором – кого из кандидатов вы предложили. Тем более, – Фоммель пытливо сощурился из-под козырька, над которым хищно сверкнули орёл и адамова голова, – среди этих кандидатов есть спасённые вами...

Внутри Васьки всё собралось, готовое выплеснуться наружу. Но он расслабил тугой узел, что скрутил ему внутренности.

– Не бойтесь, что они вас запомнят?

– Боюсь ли я? – Фоммель счастливо захохотал: – Страх это химера.

– Вы как Геракл не боитесь химер, – вздохнул Ставински. – Они окружают вас, а вы не боитесь.

Они в раздумьях и молчании проделали путь до ангара, у которого высились двое солдат СС в плащ-накидках, с пистолет-пулемётами. Когда вошли вовнутрь, рыжий уже был там. Он стоял поодаль от ряда камуфлированных грузовиков «опель-блиц» и «хеншель», внедорожников «кюбель», мотоциклов «цундапп» и БМВ, а также двух лакированных «опель-лейтенантов» и «даймлер-бенца». Рядом топтался русский преподаватель в трико, что, морща в неопределённой гримасе красивое русое лицо, что-то шёпотом выговаривал ему.

– Волков, вы свободны, – бросил ему Фоммель. Проводив его взглядом, сказал Семельченко: – Господин майор также из русских. Но он долгое время жил в рейхе, хотя и не забыл родной язык. Он считает, что мы ошиблись, когда отсеяли твою кандидатуру из активного состава. Я не разделяю его мнения, но прислушаюсь к нему. Он в вашем распоряжении, – палец Фоммеля совершил дугу в сторону Семельченко.

– Благодарствуйте, благодарствуйте... – Васька снял фуражку и, не найдя ничего лучше, протянул её Фоммелю. – Зовут-то как?

– Степаном, – прогудел парень.

– А родом откуда?

– А харьковские мы.

– А поточней... – Васька сделал выпад ногой, стремясь достать его левую ключицу.

Семельченко не оплошал. Он удивительно быстро присел и попытался перехватить ногу. Но Васька, совершив разворот, не дал ему такой возможности. Зато другой ногой попытался подсесть его голень. Здесь усилия оправдались. Семельченко осел на спину. Но тут же, перенеся центр тяжести на икроножные мышцы, рывком поднялся. Принял тревожную боевую стойку: кулак левой руки – перед носом, кулак правой – возле подбородка. Прижатые локти защищают от ударов нижнюю часть. Танцующие ноги готовы коленями отразить те же удары в пах, подбрюшье и почки, а также нанести ответные сокрушительные удары.

– Я же казав – с пид Харькова, – шумно задышал парень.

– А, так ты казав... Я понял. Молодец, хорошо держишь удар.

– Упасть не значит проиграть, – кивнул Ставински.

Фоммель махнул лишь фуражкой, что держал в руках. И представил себя на месте Семельченко.

– Только не надо так долго держать руки, – Васька намекал, что можно «снять блок». – Я ж не нападаю.

– А кто вас знает, – нервно усмехнулся Семельченко. – Не нападаете сейчас – так нападёте. Вы ж не предупреждаете?

– Это точно. И не подумая. Всё происходит неожиданно. Это в красивых книжках и шпионских фильмах вызывают на поединок. Или позволяют командовать взводом своего расстрела, – не удержался и мрачно пошутил Васька. – В жизни всё иначе. Хочешь, покажу как?

– Н-н-ну, хочу, – неуверенно согласился парень, не убирая блоки.

Немцы тихо рассмеялись. А Васька танцующей походкой, точно по Крещатику или Дерибасовской, двинулся чуть правей него. Семельченко это сбilo с толку. Он не знал, что делать, тем более взгляд «герр майора» шёл как бы сквозь него. Он лишь стал, танцуя ещё напряжённей, разворачиваться к нему корпусом. Но Васька в вполуприседе мгновенно срезал его ногой. Семельченко на ушибленных икрах точно сложило пополам.

– А зачем было так дёргаться? – врадчиво поинтересовался Васька. – Зачем было поворачиваться? Ты не почувствовал, что я всего этого хочу?

– Не поч-ч-чувствовал, – отрешённо произнёс парень с земли. Ещё мгновение, и он неловко встал, готовый к бою.

– Опять молодец. Опять хвалю. За выносливость. А ругаю... Понял за что?

– За то, что... Короче, сделал так, как вы внушали.

– О! – Васька, пронзённый сверху невидимой силой, остановился. Оглянулся на своих спутников: – Слышали, господа? Его отсеяли... А он всё понимает. Материал не разработанный, только и всего. Никуда не годный отбор. Если так отбирают...

– Я подумаю, что можно сделать, – Фоммель снова тряхнул фуражкой с сиреневым кантом.

Он рассчитывал, что отобранный «материал» в массе своей быстро провалится, явится в НКВД или СМЕРШ. Ему было так выгодно: в случае поражения, о котором он задумывался всё чаще, ему будет, в чём выгораживаться перед русскими.

– Блоки зря держишь, – удовлетворённо махнул головой Васька в сторону Семельченко. – Да расслабься ты, я приказываю, – он легонько ткнул его плечо, от чего парень мгновенно обмяк. – Вот так. Молодец, будет из тебя толк. Если научишься расслабляться, конечно.

Какого чёрта ему нужен этот кретин, подумал Фоммель. Неужели он рассчитывает использовать его в акции? Надо будет затребовать личное дело. И когда он, наконец, возьмёт эту поганую фуражку? Ну, придёт время...

А Ставински думал иначе. Он просматривал в Васькиных действиях высокий уровень отбора. Конечно, русский диверсант из Разведуправления, выдающий себя за майора СМЕРШ, не достаточно разбирался в «материале». Потому что подготовлен не так давно, да и профиль у него иной. Но подобный стиль подготовки Ставински видел в Цоссене начала 20-х, где стажировались русские военные разведчики. Кроме этого, он на неделю прибыл в 1927-м в общевоинскую Академию им. Фрунзе, где также прорабатывались тактика разведки и диверсий. В число предметов входил и рукопашный бой, который русские называли «самбо Хромова». Приёмы были заимствованы из бокса, дзюдо, джиу-джицу и других видов единоборств. В сумме насчитывали до 50. Но маленький, с виду щуплый преподаватель с бородкой убеждал их: для начала стоит в совершенстве овладеть «музыкой тела». Научиться чувствовать каждое его движение. Затем выучить в совершенство хотя бы десять приёмов и на основе импровизации создать десять своих. Только после продвигаться дальше.

– Я забираю товарища майора, – решительно, с любезной улыбкой, заявил Ставински, когда они отошли на значительное расстояние.

– Вы уверены, что я его вам позволю забрать? – Фоммель любезно оскалился, хотя не скрывал своих истинных чувств. – Всё же вы гость, герр капитан.

– На правах гостя я забираю его у вас. Через час, – Ставински показал ему большой циферблат на запястье, – он вернётся обратно.

– Дорогой ему могут помешать партизаны.

– Накануне операции «Цитадель» была проведена акция устрашения в Орле, – поморщился Ставински. – Кого-то повесили на главной улице. Трупы качаются до сил пор. Кроме того вермахт и наши доблестные СС устроили прочёсывание лесов. Партизаны не должны проявлять себя так нагло. Если это, конечно, не обычные партизаны.

– Вы на что-то намекаете? – грозно нахмурился Фоммель.

С минуту они постояли молча. Оберштурбанфюрер учащённо дышал. Ему, как всегда, хотелось свернуть кому-то шею.

– Что за шум, а драки... – пошутил Васька на подходе. – Весь сыр-бор из-за меня?

– Вы догадливы как никогда, – проскрипел Фоммель. – Именно из-за вас. В интересах операции я не могу вас предоставить герр капитану. Даже на минуту.

– Эка вы хватили! На минуту... Прямо! Ничего с нами не станется. Проедусь и вернусь. В конце-концов, можете выделить ваш эскорт. Партизан бояться – в лес не ходить.

– Я не могу, – уже раздражённо огрызнулся Фоммель. Поймав Ваську за руку, он отступил с ним: – Сегодня приезжает мой шеф из Берлина. Он генерал СД. Хочет с вами говорить о предстоящей операции. Хочет вам кое-что рассказать. Если с вами кое-что произойдёт... – он страшно понизил голос: – Вы понимаете... это может стоить мне...

– Головы что ли? Понял... Не бойсь, где наша, как говориться... – Васька тихо рассмеялся. – А мне, вы думаете, ничего не может стоить? Скажем, моё участие в расстреле? – сузил он единственный глаз. – А? Или у вас не проходят такие штучки с фотографом и фотолабораторией, где монтируют снимки? А свидетельские показания выживших из числа переметнувшихся диверсантов? Тоже не проходят? А высказывания против товарища Сталина? Что у вас там в карманчике? Диктафончик, говорите?

– Вы что – с ума сошли? Какой... – чуть не задохнулся от такой наглости оберштурбанн-фюрер. – Впрочем, оставим это на потом. Вы правы, кое-что в этом есть. А как же – мы хотим подстраховаться. Вдруг вы ведёте двойную игру? Или тройную? Или ваше руководство.

– Ладно, проехали, – Васька взял его, играючи, за лацканы френча с кубиками в петлицах. Нежно их потерял, будто оправляя: – Так вот, любезный, я сейчас проедусь с герр Ставински куда надо. Всего на час-два. С конвоем или без конвоя, вам решать. После чего встречусь с вашим генералом. Это два. А вы, – он окинул взглядом одиноко стоящую здоровенную фигуру Семельченко в потной майке, – дайте ему отоспаться. Покормите его как следует. И по первому же звонку – в мои апартаменты. Я буду с ним усиленно работать. Всё ясно, герр хороший?

– Вполне, – сглотнул слюну эсэсманн. Ну, подожди у меня, русская свинья, тут же подумал он. Это тебе так не пройдёт.

Через час Васька трясся по плохим дорогам на «кюбеле». За рулём сидел Ставински. Конвоя Фоммель так и не выделил. Было видно, что ему этого хотелось, хотя он понимал: будет выглядеть глупо. Абверу незачем было организовывать мнимое похищение, мнимое или реальное убийство «гостя». Нападение партизан также исключалось ввиду большого количества войск, которыми были усилены охранные дивизии.

– Ловко вы обращаетесь с СС, товарищ большевик, – крикнул Ставински в шуме мотора. Он вырулил, чтобы не попасть на ухабину, и продолжил: – С этими господами можно именно так. Выбран правильный курс.

– Ну да! Мы мирные люди, но наш бронепоезд... Вы это хотели сказать?

Так как шофёр промолчал, они медленно въехали на территорию, огороженную тремя рядами колючей проволоки. По углам высились четыре караульные вышки с MG34. Но, как и по периметру, так и на воротах охрану несли солдаты и офицеры вермахта. На специальных щитах, покрытых светоотражающей оранжевой краской, чёрным было означено: «Внимание! Огнеопасно! Горючие материалы. Курить и пользоваться огнём строгойше запрещено». Вся местность за рядами колючей изгороди представляла голый ландшафт с многочисленными пнями и опилками. Наверняка эти площади были заминированы.

– Прошу вас! – Ставински легко выпорхнул из внедорожника, захватив плащ. Адамс! – сказал он подбежавшему обер-лейтенанту со знаками отличия артиллериста. – Мне будет нужна ваша помощь. Приведите в блок «В»...

Тут он прошептал этому ладному обер-лейтенанту что-то своё, не предназначенное для Васькиных ушей. Тот лишь поправил повязку через глаз. И устоял на группу курсантов, что, высоко поднимая ноги, совершала пробежку по периметру. На всех было вполне сносное обмундирование РККА. Причём, гимнастёрки были именно «косоворотки», как до революции носили, образца 1943 года – со стоящим воротником (на гимнастёрках образца 1941-го он был отложенный). Мало того, добрая треть гимнастёрок были украшены зелёными пластмассовыми пуговицами, что поступали в СССР по ленд-лиз.

– Ну-с, пройдемте, дорогой товарищ, – с наигранной суровостью (наверняка подражая кому-то из русских) предложил Ставински. – Нам есть что обсудить и о чём потолковать. Так тоже говорят по-русски.

– Я надеюсь – не только ваши познания в русском?

– О, нет, что вы! Они так скромны... У меня есть свои кандидаты. Вы хотели бы на них взглянуть?

– Что ж, не откажусь. Тем более, если предлагают... Показывайте.

– Нет, сначала вы посмотрите на их личные дела, выслушаете преподавателей. Они нам расскажут много интересного.

– Ну, вы-то наверняка уже наслушались их доносов. Мне, конечно, будет очень интересно.

– Ну... Не надо так, герр майор. Мы, как и вы, заинтересованы собирать на человека очень подробное агентурное досье. Как его собрать, если не будет немного... стук-стук, как говорят по-русски?

– А, вы и это знаете! Ну, тогда я спокоен за исход операции.

Ставински изобразил на лице улыбку. Они ровным, строевым шагом последовали мимо часовых в шлемах, что сделали винтовками с плоскими штыками «на караул». Взошли на крыльцо, под которым трепетал красный нацистский стяг со свастикой в белом круге, а также чёрно-красный флаг кайзера. Прошли по коридору мимо вытянувшегося дежурного, что был также в стальном шлеме. За обтянутыми дерматином дверями с номерами, а II, а III стрекотали машинки. Внезапно заорало нечеловеческим голосом радио: это вещал с трибуну

«Спортпалласа» министр пропаганды Геббельс. «...Господи, даруй народу Германии победу! Я призываю Тебя...» В конце коридора высился в фуражке, туго затянутый ремнём по корсету, уже знакомый обер-лейтенант. Он напряжённо водил глазами по закрытым дверям. Наверняка об этом его попросил Ставински. Над его головой угадывалась картина фюрера, писаная маслом. Тонкий нос со щепоткой усиков оказался надёжно прикрыт широкими полями и выгнутой тульёй. Зато неистово-смеющиеся глаза метали молнии, которые проходили аккуратно по обе стороны тульи цвета «морская волна». Серебряный одноглавый орёл со свастикой, казалось, готов был выклевать оба этих глаза, но никак не мог определиться, с какого из них начать.

Когда они вошли в кабинет, Ставински по внутреннему телефону предложил кому-то выключить радио. Говорил он спокойно, но этот кто-то (судя по голосу, фрау) сделал это моментально. Затем по другому телефону с коммутатором Ставински затеял довольно продолжительный разговор на немецком. Причём, на пониженных тонах. Васька и не старался прислушиваться. Он окинул комнату глазом. Кроме фотократочки старца с белой сединой во флотской форме над столом ничего не висело. На подоконнике стояли горшки с розами. Ставински был либо сентиментален, либо пытался нравиться «материалу», с которым работал. (Надо полагать, что «материал» сразу же обалдевал, видя цветы на окнах, оклеенных полосками бумаги. И охотно шёл на вербовку.)

– Ничего обстановочка, – поощрил его Васька.

– Мы стараемся, чтобы гостям было как дома и ещё лучше, – неумело пошутил Ставински.

* * *

...Боец сделал два выстрела из винтовки с оптическим прицелом. Пули разорвали проволоку, которой прикрутили к гусеничным тракам «Барефзес» и Сергиенко. Их тела обмякшими мешками рухнули перед днищем СУ-122. Затем Сергиенко, будто ничего не соображая, принялся осторожно сталкивать Армена в ближайшую воронку и вскоре скатился туда сам. Судя по запавшим от боли глазам (это видел Неустроев в бинокль) это ему удалось нелегко, так как руки, охваченные проволочными тисками, занемели и плохо слушались. Тут же их заметили. Со всех сторон мигнули вспышки запоздалых выстрелов. Потянулись трассы MG-43 с одного из «ганомогов». Светящиеся пунктиры вздыбили землю подле воронки. Крутятся и визжа, они сыпали вокруг мелкими искрами. С левого фланга ударила StugIII. Снаряды, однако, проносились над головой. Германский наводчик никак не мог выбрать нужный угол прицеливания.

– Вася, бери бронетранспортёр... – отдал распоряжение Неустроев. Он выложил перед собой из сумки четыре РПГ-40. – Готовность номер один! Товарищ капитан, – он обратился к Виктору, кинув прежде ободряющий взгляд: – Возьмите автомат. Над воронкой особо не демонстрировать свои фрагменты личности, – и, совсем пониженным голосом: – Привет вам от сорок восьмого. Догадались?

Почувствовав невероятное облегчение и пробормотав «Не маленький, поди», Виктор даже не помнил, как ощутил прохладный затвор ППШ. Щипнув Сашку за нос с крохотными конопушками, он тут же поймал себя на мысли: беспокоиться не о чем. Эти «пятнистые» с рыцарскими или богатырскими панцырями надёжно ограждали его и малыша от всякой напасти. Отобьют они и его подчинённых. Прежде всего, конечно, они друзья, но... Виктор ощутил

лёгкую досаду, что не смог это сделать сам, как всякий командир думает, что отвечает прежде он, а не вышестоящее начальство, пусть и виновное.

Как бы в подтверждение тому, услышав шум мотора СУ-122, сопровождаемый сопеньем выхлопных труб и лязгом траков, Неустроев извлёк из вещмешка палочку с зеркальцем. Вставив в канал своего пистолет-пулемёта, он приподнял её над бровкой воронки.

– Оп-п-паньки! – сказал он, будто ни о чём не беспокоясь. – К нам самоходочка чешет. Фрицам «винт» хочется сделать. Сивцов, теперь «зелёную» – живо!

Тут же взвилась зелёная ракета. Огонёк сигнального патрона, казалось, навечно завис в небесах. Затем, стремительно сорвавшись, скатился на землю. Указав цели артиллеристам и лётчикам, он, подобно прожитой человеческой жизни, угас навеки. Хотя, угасает ли жизнь так? Мало вероятно...

В следующий момент над воронкой взвизгнуло. Зеркальце дёрнулось в канале ствола. Из него вылетел крохотный осколок, разбрасывающий солнечные зайчики.

– Всем команда – не высовываться! Работает снайпер! – рявкнул на этот раз лейтенант. Как само собой разумеющееся, он окинул взглядом тело Иванова: – Рассредоточиться! По кругу.

На левом фланге гулко вздрогнула земля. Раздался запоздалый клёкот – эхом дошло, что приземлились гаубичные снаряды. А боец с рацией, пощёлкав тумблерами, заговорил в наушники:

– «Ласточка», «Ласточка», говорит «Молния». Метров сто от цели налево – три «коробочки», две «суки» и пяток «тарактунов». «Гробов», вообще. Требуется ваш визит. Вылетайте – небо чистое.... Есть, приём... Слушай меня, «Вулкан». Как слышишь меня, приём? Хорошо значит. Накрывайте цель большими «огурцами».

Бойцы сгруппировались, изготовив оружие. Кто-то распустил тесёмки капюшона, кто-то вытирал горячий лоб, по которому струился пот.

Громадина СУ-122 подползла к воронке. Гитлеровцы впрямь стремились заехать на неё. Затем покрутятся «винтом», чтобы раздавить всех. Неустроев, извернувшись, ловко швырнул ей под гусеницу РПГ-40. Воздух гулко потряс взрыв. Комья дымящейся земли разлетелись во все стороны. А «сука» обиженно завертелась на голых катках, пока лейтенант второй гранатой не «разул» ей вторую гусеницу.

Обломок сияющего добела трака вонзился рядом с вихрастой головой Сашки.

– Во здорово-о-о! Все мальчишки обзавидуются... – испуганно-зачарованно протянул он и смущённо добавил: – И девчонки тоже.

Виктор тут же отвесил ему лёгкий шлепок по макушке:

– Лёг и затих! Что б я тебя не видел и не слышал!

– Ага! Мне страшно рядом с этим дяденькой... – Сашка, шмыгнув носом, показал на убитого Иванова.

– Ляг, кому говорят! – прикрикнул боец с пышными русыми усами, которому, если приглядеться, стукнуло едва за двадцать.

Он с первой же минуты, как только оказался в воронке, придвинулся к Виктору. Не сводил с него глаза и ловил его каждое движение. Как будто они были заочно знакомы, хотя Виктор видел его первый раз. Чувствовалось, что это было кому-то нужно. Этот кто-то явно имел отношение к «сорок восьмому». Не фотокарточку ли мою показали ему в СМЕРШЕ, подумалось Виктору.

Земля вздрогнула, будто и впрямь проснулся вулкан. Теперь уже справа. Неустроев, издав при этом горлом непонятный, но пронзительный звук, скомандовал:

– Капустин! Завесу ставь, быстро!

– Есть! – белобрысый молодой боец вынул из бокового кармана зелёный цилиндрок. Запалив короткий бикфордов шнур, швырнул через гребень. В следующий момент там зафырчало. Густо повалили клубы чёрно-серого, едкого (если залетал в глаза) дыма.

– Под «суку», живо! – скомандовал Неустроев, согласовав свой приказ взглядом со всем личным составом.

Он пополз, переваливаясь на локтях, первый. За ним все остальные, включая радиста и собаку, что ползла, поджав хвост и расставив уши. Замыкающим полз усатый, перед которым полз, чихая и фыркая, Виктор. Собачья шерсть от хвоста, что волочился по земле перед ним, залетала ему в нос. «Тише кашляй, капитан!» – неожиданно предупредил его «тельник», повернув своё скуластое лицо с раскосыми азиатскими глазами. Виктор едва не поперхнулся от такого нахальства, но промолчал. Саша был тут же, под рукой. Виктор сгрёб его за шкуру и волок за собой.

Оказавшись под днищем пышущего жаром и соляркой (внутри гремели и шумели громко крича и ругаясь, будто бы на русском), можно было рассмотреть происходящее окрест. Кое-где источала клубы поверженная техника с крестом на бортах. Взлетали султаны дыма и пламени. Оставляя за собой багровые протуберанцы, устремлялись к земле продолговатые тела «эрэсов». Они сжигали всё живое в радиусе сотни метров. Вокруг подожженного «ганномага» ещё катались дымящиеся тела. Сквозь отдушины в катках было видно, как короткими перебежками и ползком отходили группы вражеских пехотинцев в камуфляжных куртках и касках. Офицеры издавали трели в свистки, заслышав над головой клёкот или завидев несущиеся огненные хвосты реактивных снарядов.

– Хо-о-орошая со-о-бачка, – Сашка нерешительно протянул руку к мокрому носу овчарки что лежала рядом, вызываясь демонстрируя розовый язык: – Дяденька боец, как зовут собачку?

– Собачку зовут Джульбарс, – усмехнулся тот. – А для непослушных мальков – «откушу руку». Понял, почему?

Джультбарс, уловив что он него нужно, издал пастью неприятный звук. Сашкина рука мигот отстранилась. На мальчишеских глазах и на конопатый нос наворачнулись скупые слёзы.

– После боя погладишь, – смиростивился боец-вожатый. – Да, Джультбарс? Подай голос!

– Ав-ав! – не заставил себя долго ждать пёс.

Снайпер тем временем приноровился стрелять вражеских офицеров и пулемётчиков, вторых и третьих номеров, что тащили на спинах круглые оцинкованные коробки с лентами. Тем временем, небо наполнилось пением авиационных моторов. Звенья «илов» и «пешек», появившись из-за перистых облаков пикировали на боевые порядки врага.

В воронку, которую они только что покинули, угодило несколько мин от ротного 50-мм миномёта. Видимо немцы пристреливались, но из-за дыма и гула крупных калибров это не было заметно.

– Товарищ лейтенант, сорок восьмой, – радист протянул Неустроеву наушники.

– «Молния» слушает приём! – крикнул тот в мембраны и тут же понизил голос, чувствуя, что его слышно внутри самоходки. – Что? Плохо слышно... приём... Да, всё в порядке. Имеется труп. Тот самый, о котором шла речь. Мы вытащим. Слушаюсь... Будет сделано... Мы под сукой» 122. Только что кидали в воронку «огурцы» 50-мм. Думаю, стараются пеленговать. Пока на месте. Обзор хороший. Место хорошо расчистили, так что можно бить здесь смело. Есть...

Последнее не заставило себя долго ждать. Многоголосый рёв «ура-а-а» возник с востока. Он врезался сквозь грохот канонады. Помимо всего доносился лязг гусениц, в который вплетался методичный гул «тридцатьчетвёрок», мелодичное позвякивание «тэ-семидесятых» и прочие шумы, принадлежащие, очевидно, большим и малым «сукам», а также британским «Матильдам» с «Черчиллями». Оставляя за собой шлейфы мучнисто-золотой пыли, выбрасывая из хоботов пушек язычки пламени, боевые машины устремились в атаку с трёх направлений, чтобы взять врага в клещи. Вскоре ударная десятка, состоящая из семи Т-34 и трёх Т-70, достигла уничтоженной давеча противотанковой батареи. В этот момент СУ-122 попыталась накрыть их огнём. Пусть и обездвиженные, но запертые в ней враги намеревались взять реванш за позор и поражение. Одну «тридцатьчетвёрку» тут же разорвало пополам. Другие танки, проскочив сектор обстрела, оказались в «мёртвой зоне». Их башни стали тут же разворачиваться в сторону замершей «суки». Это сулило большие неприятности.

– Эй, быстро все скатываемся обратно в воронку! – живо скомандовал Неустроев.

Он первый кубарем скатился в воронку. За ним – весь личный состав. Усатый неожиданно обхватил Виктора, словно хотел задавить в объятиях. Они слились воедино и скатились в воронку как два связанных полена. Точно также, прикрыв своим телом Сашку, последовал за ними «тельник». Собака стремительно, размахивая хвостом, сползла вниз, При этом, изменяя выучке, она дважды гавкнула.

– Цыц у меня, Джультбарс! – прикрикнул поводырь. – А то всё мясо съем.

Грянули первые выстрелы. Сначала хлопнули «сорокапятки» из Т-70. К ним подключились 76-мм. Снаряды рикошетили от покатой брони СУ-122. Один из них, врезавшись в бензобак, заставил его задымиться. Вскоре над трансмиссией всколыхнулись первые сгустки оранжевого пламени. Соляра разгоралась медленно, но грозила вскинуться до небес.

– Машину... ить... жалко... – простонал Виктор.

Он тут же с ужасом ощутил, что «Барефзес» и Сергиенко где-то рядом. Измученные, они ждут помощи. Кроме всего, ему всё равно, что станет с этой самоходкой, хоть и затрачен на неё труд сотен людей и вложены немалые народные средства, которые язык не поворачивается назвать государственными. Люди были дороже железа.

Он уже готов был перемахнуть через бровку воронки, как лязгнул верхний люк СУ-122. Над рубкой возникла рука с белым платом. В порывах ветра он неожиданно затрепетал, как огромный стяг.

Обергруппефюрер СС Герхард Лоренс прибыл из Варшавы с личными указаниями рейхсфюрера СС Гиммлера. Он должен был прозондировать почву для контактов с русским перебежчиком и его начальством. «Либо объект „тёмная лошадка“ и они нас держат за дураков, – заметил в беседе с ним Гиммлер, протирая овальные стекла пенсне, – либо русские заговорщики и впрямь намерены заключить с нами союз. А там, возможно, при благоприятном исходе... Скорее всего они готовы пойти на сепаратные соглашения. Сталин должен исчезнуть, это, несомненно. Поэтому, Лоренс, на вас вся надежда. Выясните истинные намерения этого троцкиста и его хозяев. Меня интересует помимо всего прочего, почему они ввели нас в заблуждение в самом начале восточной кампании. Якобы с первых же выстрелов на границе в России начнётся троцкистская революция, и режим Сталина рухнет сам собой. Это же утверждал в начале кампании „бабельбергский бычок“, – сладострастно подчеркнул он прозвище он Геббельса. – Как видим, он ошибался... Они намерены и дальше так преувеличивать?» «Будет исполнено, рейхсфюрер. Хайль!» – поторопился Лоренс, вскинув левую руку. Но тут же был наказан за свою торопливость стоящим подле Вальтером Шелленбергом. «Погодите, – поморщился молодой бригаденфюрер, что был шефом Лоренса по СД. – Вас никто не прогоняет раньше времени. Не надо никаких непродуманных выводов! Прошу вас вникнуть в суть задания. Дают ли нам русские гарантии? Я имею в виду радикальное решение вопроса в отношении одного... ну, ну... известного нам всем лица. Если дают, то это нас устраивает, – он провёл ладонью по бриллиантовой приглаженной голове. – Убедите перебежчика в таком раскладе событий. Только в этом случае пусть рассчитывает на взаимодействие». «В целом картина ясна. Но есть частности, которые мы исправим...» – не к месту вставил Гиммлер. «Лоренс! Знайте, что на месте вас будут опережать ищейки из Абвера, – поправил шефа Шелленберг. – Они будут убеждать русского своими возможностями. Якобы их фирма старше, а поэтому надёжнее. Агентурные источники более разветвлённые, а наша агентура – досталась нам от кадров, забракованных ещё Николаи и Бредовым, – сквозь холодную ярость он тут же продолжил: – Они будут убеждать русского делать ставку на вермахт. Ни на СС. Тем более – на СД. Укажите русскому – именно на Центральном участке Курского выступа достигнут успех! Именно танковые дивизии СС достигли... как есть... о, Прохоровка! В то время как на участке Воронежского фронта „Великая Германия“ в составе 9-й армии Моделя топчется на месте, не расширяя прорыв. Думаю, что на хозяев вашего русского это быстро подействует. Действуйте!»

– Где сейчас русский? – Лоренс поинтересовался сразу же, как только спустился с трапа «Do-17».

– Русский проводит занятия со своими кандидатами.

– Вот как! – кустистые брови обергруппенфюрера всколыхнулись. – Он уже отобрал кандидатов?

– Да, обергруппенфюрер. Мы показали ему школу «Валли». Он на занятиях отобрал себе единственного курсанта. Причём из числа отсеянных.

– Ошибка при отборе? – Лоренс удивился снова, задержав колено и придерживав фуражку (он приготовился устроиться в «мерседесе»). – Такое возможно?

– Ошибки случаются, обергруппенфюрер. Но в данном случае она исключена. Русский... этот проходимец, – не сдержал себя Фоммель, – сошёлся со Ставински, эмиссаром Кана-риса. Вдвоём они прижимают меня с боков. А тут ещё ваши инструкции и директивы штабов «Валли» о боевом братстве Абвера и СД.

– Я понимаю вас, – решительно заявил Лоренс уже в машине. – Однако будьте спокойны, мой мальчик, – он потрепал Фоммеля за коленку. – Мне даны чёткие указания непосредственно от Гиммлера и Шелленберга, – он опустил стекло, разделяющее их с водителем и адъютантом: – Предписано делать ставку на части 2-го танкового корпуса СС. Это наш козырной туз в предстоящей игре. Можешь забыть о субординации, – усмехнулся он по-отечески, давая понять, что на время поездки становится для него «партайгеноссе». – Кстати, что ты думаешь о нашем ударе в направлении этой... Прохоровки? Последние сводки звучат очень оптимистично. Если бы их не озвучивал этот брехливый мерзавец... – он явно намекал на Геббельса.

– Говоря по правде, партайгеноссе, я не столь оптимистичен в прогнозах. 4-й армии и 2-му танковому корпусу удалось пробить внушительную брешь в обороне противника. Но русский фронт от этого прогнулся, только и всего. Никакого охватывающего удара не вышло. Хауссер, заботясь о безопасности своих флангов, попусту рассеивает свои силы. Темп продвижения войск снизился. Русским это только на руку, – они, я знаю, подтянули свои танковые части под Прохоровку. Если они думают, как вначале кампании, ограничиться встречным, лобовым контрударом, то это радует. Если...

– Кругом одна измена, мой мальчик, – едко усмехнулся Лоренс. Его бритое, с редкими морщинами лицо под сенью огромной фуражки оставалось невозмутимым. – Эти прусские свиньи в штабах готовы за грош продать рейх поганым англосаксам и большевикам. Первые наметили уже в этом году высадку в Сицилии, – он заметно снизил голос, хотя этого можно было не делать. – Это свежие данные – шведский Красный Крест... Этому источнику можно полностью доверять. Не ясно по срокам, но вряд ли это произойдёт осенью или зимой. Тогда... – он скорчил болезненную гримасу, – что нам противопоставить этому вторжению? Разложившиеся итальянские войска? Берсальеров с их петушиными перьями на касках? Или фанатично храбрую фашистскую милицию? Демагога дуче?.. Карта Муссолини бита. Над ним смеются даже дети.

Он выдержал паузу. В шуме двигателя она показалась бесконечной.

– Партайгеноссе, следует ли понимать так, что уже в этом году мы один на один будем противостоять русским, имея за спиной... – с полукрытым ртом пробормотал оберштурбаннфюрер.

– Но вернёмся к теме, – словно стряхнув пыль, продолжил Лоренс. – Почему ты отозвался об этом русском так уничижительно? А, я забыл! Абвер тому причина. Этот Ставински... Что ж, дай мне последнее материалы по этому эмиссару. Твои люди висят на его хвосте?

– Нет, партайгеноссе. Ставински хороший профессионал. Мы используем для этих целей агентуру в «Цеппелине». Кроме того объект «Птица» не позволяет нам работать в полную силу.

– Вы ищете объект «Птица»? – живо заинтересовался Лоренс. – Правда, это не тема моего визита, но...

На месте он, не снимая перчаток, просмотрел снимки, где Краснопольский запечатлен на улицах Орла, на объектах СС и Абвера. С любопытством обергруппенфюрер изучил, как русский демонстрировал приёмы рукопашного боя со здоровенным парнем-курсантом по фамилии Семельченко, которого и выбрал в качестве кандидата. Немного задержался на фотографиях, где Краснопольский ходил по «толчку», заходил в те или иные дворы, пропадал и появлялся в подъездах домов. Он записал в блокнот, что носил во внутреннем кармане френча, номера этих домов. Затем выстроил на полированном столе группу снимков, где русский заходил в те или иные дома в порядке очерёдности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.